

Владимир Задорожный

**ЗАТМЕНИЕ СОЛНЦА
(ВАН ГОГ)**

Драма

**Херсон
2007**

УДК 821.161.2-23

3-15

ББК 84 (4 УКР) 6-6

Задорожный В. Затмение солнца: Драма. - Херсон:
ОАО "ХГТ".

ISBN 978-966-8502-67-5

ISBN 978-966-8502-67-5

© В. Задорожный, 2007

© ОАО "ХГТ", 2007

ЗАТМЕНИЕ СОЛНЦА (ВАН ГОГ)

ДРАМА В ТРЕХ ДЕЙСТВИЯХ

Этот человек должен был или сойти с ума, или превзойти нас всех; я не ожидал, что оба предположения подтвердятся.

Камиль Писсарро.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Винсент Ван Гог, великий голландский художник.

Теодор Ван Гог, его младший брат.

Поль Гоген, великий французский художник.

Рулен, почтовый служащий

Рашель, проститутка

Старуха

Торговка

Судомойка

Вдова

Жан

} жители Арля.

Пейрон, директор психиатрической больницы в Сен-Реми.

Леруа, врач-психиатр больницы.

Анри, санитар.

Сестра Мария

Сестра Иоанна

} монахини женского монастыря
в Сен-Реми.

Доктор Гаше, врач-гомеопат

Поль, сын доктора Гаше

Раву, хозяин гостиницы

Пьер

Луиза

} жители Овер-сюр-Уаза.

Хиршиг, голландский живописец.

События происходят во Франции (Арль, Сен-Реми, Овер-сюр-Уаз) в 1888–1890 годах.

Действие первое

В прошлое воскресенье, в половине двенадцатого ночи, некий Винсент Ван Гог, художник из Голландии, явился в дом терпимости № 1, спросил некую Рашель, вручил ей свое отрезанное ухо со словами «Береги его как зеницу ока» и исчез. Полиция отправилась наутро к этому человеку и нашла его в постели без всяких признаков жизни. Несчастного срочно доставили в больницу.

Сообщение в газете «Forum republicain» 30 декабря 1888 года.

23 декабря 1888 года. Арль, город на юге Прованса. Мастерская в доме Винсента Ван Гога. У входной двери настенный рукомоиник и настенная вешалка, заваленная разносезонной одеждой. Посреди комнаты громоздкий, похожий больше на верстак стол, на столе всякая всячина: кисти в банках и россыпью, свитки холстов, палитры, глиняная посуда, оплетенная бутылка вина... Напротив двери облезлый топчан, рядом комод и шкаф с круглым зеркалом на дверке. На стенах несколько картин в тонких рамах, на одной изображены подсолнечники в вазоне; на окнах льняные, со следами от вытирания рук занавески. Вечер. В комнате перед мольбертом Поль Гоген, в руках кисть и палитра. На холсте портрет Ван Гога. Гогену сорок лет, он крепко сложен, широкоплеч и невелик ростом, у него смуглое скуластое лицо человека твердого и волевого, короткие, торчком темно-русые волосы, небольшие усы и бородка. Художник нетрезв, на нем серая, испачканная красками куртка и длинный шерстяной шарф.

ГОГЕН. Последние мазки, дружище. Здесь чуть-чуть... и здесь. *(Делает шаг назад.)* Хорош, мерзавец! Ну просто вылитый.

Не грех и себя увековечить. *(Выводит кистью на холсте.)* «Gauguin»¹. Готово! *(Поет дурным баритоном.)* «Все кончено! А было ли начало?.. Лишь видимость мелькала!» *(Швыряет палитру на стол.)* Так... Как бы тебя назвать? «Ван Гог и подсолнухи»?.. Не то. «Ван Гог перед мольбертом»? Совсем не годится. «Винсент, рисующий подсолнухи»? Вот! В яблочко! «Винсент, рисующий подсолнухи». *(Отходит от мольберта и любуется портретом издали.)* Здорово! Станцевать впору. *(Кружит по комнате, неуклюже притопывая.)* Э-та-та, э-та-та, э-та-та!.. Мартиниканский танец! Э-гуп-гуп, э-гуп-гуп, э-гуп-гуп!.. *(Останавливается у стола и наполняет кружку вином.)* Ау, Винсент! Где тебя носит? Без тебя пью, пою, танцую... Ты не находишь, что с твоей стороны это свинство? *(Чокается с холстом; более или менее серьезным тоном.)* Твое здоровье, старина! Уж не взыщи, но таким ты выглядишь на самом деле: человеком не от мира сего, в одном лице и безумцем, и мучеником. *(Выпивает.)* Бр-р-р... Похоже, я порядком набрался.

За дверью слышен звон разбитого стекла и доносятся женские голоса: «Я что-то разбила! Банку какую-то...», «Скажи спасибо, что не голову! Вона как темно!», «Тише вы! Нашли дверь? Открывайте!»

Что за тарарам?

Входят СТАРУХА, СУДОМОЙКА, ТОРГОВКА, ВДОВА и ЕЕ СЫН
ЖАН (ему лет тринадцать), одеты по-зимнему и во что попало.

(Ухмыляется.) Ба, какая хохлатая компания! Даже не подозревал, что у Винсента столько привлекательных подружек. Пришли скрасить ему вечерок?

ТОРГОВКА. Чего, чего? *(Подругам.)* Что он мелет?

ВДОВА. Тебе невдомек? Дурака валяет!

СТАРУХА *(грозно)*. Перво-наперво, здравствуйте, сударь!

ГОГЕН. Положим, привет. *(Разваливается на стуле.)* Замечу

¹ Гоген *(франц.)*.

лишь, что ваше «здравствуйте» больше похоже на «руки вверх». Ну! Чем обязан?

Старуха. Вы не тот, кто нам нужен.

Гоген. Сейчас расплачусь.

Старуха. Нельзя ли без ужимок, сударь? Взрослый человек, а кривляетесь. Вы, собственно, кто тут? Квартирант?

Гоген. Вроде того.

Старуха. Мы хотели бы поговорить с господином Ван Гогом. Он дома?

Гоген. Увы.

Старуха. То есть его нет?

Гоген. Именно так, мамаша. Нет в наличии по причине отсутствия.

Старуха (*подслеповато щурясь, оглядывает комнату*). И где он, позвольте спросить?

Гоген. Полагаю, творит в ближайших окрестностях.

Старуха. Творит, значит? Ну-ну.

Судомойка. Я узнала его. Это Гоген, приятель Ван Гога. Они обедают у нас, в том кафе, где я работаю судомойкой.

Вдова. Мне начхать, кто он! Где другой?

Гоген. Начхать? Однако.

Вдова. Вы что, оглохли, сударь? Вас спрашивают, где хозяин дома.

Гоген (*насмешливо*). Хозяин? Тайное стало явным, он оказался графом. Повторяю: Ван Гога нет, и где он, я не знаю.

Старуха (*недоверчиво*). Точно нет?

Гоген. Точнее не бывает.

Старуха. А на втором этаже? В коридоре я споткнулась о лестницу на второй этаж.

Гоген. Его нет ни там, ни здесь. (*Выворачивает карманы.*) Видите?

Судомойка. Да он пьяный! В нашем кафе эту парочку

знают как облупленных. Был случай, когда их выставили за разбитое зеркало.

ГОГЕН (*продолжает ухмыляться*). *Se non ё vero, ё ben trovato*, что в переводе с итальянского означает: если это и враньё, то хорошо придумано. Вы как насчет языка Данте, мадам? В ладах?

СУДОМОЙКА (*сбита с толку*). Черт-те что...

ГОГЕН. Не ругайтесь, сударыня. Вы не в кафе и не за мойкой посуды, вы пребываете в филиале храма божьего.

СУДОМОЙКА. Черт-те что!

ГОГЕН. Опять? Заслушание вы будете наказаны. (*Стучит кистью по кружке.*) Я вам не налью.

ТОРГОВКА (*подругам*). Мы туда попали?

СУДОМОЙКА. Туда, туда! Они, когда пьяные, завсегда корчат из себя шутов. Одного поля ягоды.

СТАРУХА. Неважно! (*Гогену.*) Вы увидите сегодня господина Ван Гога?

ГОГЕН. Всенепременно. Я сплю с ним в одной кровати, валетом.

СТАРУХА. Ну так вот, передайте вашему товарищу, чтобы он завтра же собрал свои вещи и уехал из нашего города.

ВДОВА. Да! Пусть выметается отсюда первым же поездом.

ГОГЕН. Какие вы грозные!

ТОРГОВКА. Какие есть! Мы написали жалобу мэру города, а наш мэр с болванами долго не цацкается. За шиворот — и в сумасшедший дом!

ВДОВА. Психушка давно по нем плачет!

ГОГЕН. Вот оно что.

ТОРГОВКА. Наше прошение подписали жильцы трех кварталов, а надо будет, весь город подпишет.

ГОГЕН. И не жалко вам чернил?

ТОРГОВКА. Не жалко! Я, чтоб вы знали, торгую в городе пирожками. За двадцать лет никто не обидел, не сказал плохого

слова, не обокрал. И вот дожилась!

ГОГЕН. Ван Гог украл у вас рогалик?

ТОРГОВКА. Хуже! Неделю назад он угробил весь мой товар. Перевернул лоток — и дёру. Вам сказать, во что мне это вылилось? В сотню франков, сударь! И вы хотите, чтобы я не жаловалась? Дудки!

ГОГЕН. У вас проблемы с памятью, мадам. Рекомендую на завтрак салат из куриного помета.

ТОРГОВКА. Я на свою память не жалуюсь!

ГОГЕН. Тогда почему умолчали, что перед тем, как Ван Гог перевернул ваш прилавок, вы плюнули ему в лицо? Просто так, подошли и плюнули. Не отрицайте! Я был свидетелем. Вы фурия и провокаторша, мадам. *(Снова стучит кистью по кружке.)* Вам я тоже не налью.

ТОРГОВКА. Вы слышали? Он обозвал меня фурией! Да, плюнула! А придется — заплюю этого кретина с головы до ног! Какого рожна он постоянно красит свои картины с моей стороны? Мало других мест? Не успею надеть передник, раскласть сдобу, как глядь, и он тут как тут со своей треногой и складной табуреткой. Сядет неподалеку, окружит себя толпой зевак — и нате вам, мой товар уже никому не нужен.

СУДОМОЙКА. Не трудись ему объяснять, Луиза. Он лыка не вяжет.

СТАРУХА. Неважно! Пусть передаст наше требование.

ГОГЕН. Что это вам, древняя моя, все неважно да неважно? Ваша категоричность лишает нашу милую беседу всякого интереса.

ВДОВА. А это вам интересно?! Позавчера ваш дружок затащил моего сына в подворотню и вцепился ему в волосы. *(Подталкивает сына в спину.)* Скажи, Жан!

ЖАН. А что сказать, ма?

ВДОВА. Как было дело, сынок.

ЖАН. А так и было, что тот дядька схватил меня за загривок. Ручищи жуть! *(Утирает нос.)* Думал, задушит. И за что? Я только

язык показал. Из рогатки в него пулял Пьер.

ГОГЕН. Из рогатки, говоришь?

ЖАН. Угу.

ГОГЕН. Чем же вам с Пьером так не угодил этот «дядька»?

ЖАН (*пряча взгляд*). Чучело он. С вывихом. Пьер дал ему прозвище Робинзон Крузо.

ГОГЕН. Это еще почему?

ЖАН. Летом он шатался по городу в порванной рубахе и мохнатой шапке. (*Показывает руками букву Х.*) Не шапка, а шалаш на голове.

ГОГЕН. Н-да... Начитанные ребята. (*Вдове.*) Сожалею, мадам, но вы тоже не выпьете. Не налью!

ВДОВА (*дает сыну подзатыльник*). Говорила тебе, не болтай лишнего.

СТАРУХА. Успокойся, Полин! (*Подходит к Гогену поближе.*) Послушайте, господин... господин...

СУДОМОЙКА (*подсказывает*). Гоген.

СТАРУХА. Мы против скандала, господин Гоген. И пришли мы сюда с одной мыслью — договориться. Разве раньше, когда ваш приятель был нормальным, его кто-нибудь трогал? Нравится изображать из себя художника? Нравится быть посмешищем и цирком-шапито? Вольному воля. Но так было раньше. Теперь же, сударь, ни для кого не секрет, что ваш товарищ окончательно спятил, и добром это не кончится. Мне дня не хватит, чтоб пересчитать все его выкрутасы. И дразнится, и буянит, и на своем голландском лается... Не так на него посмотришь — получай, не то ему скажешь — получай...

СУДОМОЙКА. По ночам ходит по улицам и пугает людей!

ГОГЕН. Да ну?

СУДОМОЙКА. Представьте себе! Наденет шляпу с горящими свечками и бродит в потемках привидением. Собаки и те скулят от страха.

ГОГЕН. Ай-яй-яй!

СУДОМОЙКА. Ничего святого!

СТАРУХА. О какой святости ты говоришь, Мари? Он церковь ни во что не ставит!

ГОГЕН. Это как?

СТАРУХА. Останавливает на паперти прихожан и заявляет... *(Вдове.)* Что он тараторил в прошлый раз, Полин?

ВДОВА. Что церкви и религии приходят и уходят, один, дескать, Бог остается.

СТАРУХА. Вот!

ГОГЕН. Он процитировал вашим прихожанам Виктора Гюго. И только.

СТАРУХА. Бюбо, Бюго... Неважно! Мы про такого не слыхали и слыхать не желаем! *(Показывает рукой на вдову.)* Ту же Полин, беззащитную вдову, ваш Ван Гог все лето донимал, чтоб нарисовать ее голый. Нагишом!

ГОГЕН *(окинув взглядом вдову)*. И впрямь сумасшедший!

ТОРГОВКА. Видели бы вы, как он рисует на площади. На него гадят голуби, задирают лапы собаки, а ему хоть бы хны — малюет!

СУДОМОЙКА. Словом, дурак! Гнать его взашей, и поживее!

СТАРУХА. Довольно, Мари. Криком дело не сдвинешь. Мы надеемся на вас, господин Гоген. Ваш приятель **должен** уехать. Убедите его. Пожил у нас полгода, и довольно.

ГОГЕН. Мэру, говорите, написали?

СТАРУХА. Да.

ТОРГОВКА. Покамест «да»! Не поможет мэр — напишем в департамент. Верно?

СУДОМОЙКА. И в департамент, и в суд, и в полицию. Найдем куда.

ГОГЕН *(с прежней ухмылкой на лице)*. Не тот уровень. На днях я отбываю в Париж и готов передать вашу жалобу в министерство по защите убогих женщин. А могу вручить ее и лично президенту. По четвергам я парюсь с ним в турецкой бане. От вас потребуется сущий пустяк: деньги на билет и цыпленок в дорогу.

ВДОВА *(негодуя)*. Да он насмехается над нами!

Судомойка. Твоя правда. Другой бы посочувствовал или хотя бы предложил женщинам стулья, а этот расселся, как Бурбон, и зубы скалит. Одного поля ягоды!

Торговка. Пойдемте отсюда!

Старуха (*Гогену*). Напрасно вы так, сударь. Пеняйте потом на себя. Мы уходим.

Гоген. Скатертью дорога! Жаль, что нет под рукой моей мандолины, я сыграл бы вам прощальный марш. (*Дирижирует кистью.*) Брень-дзень-дзень, брень-дзень-дзень...

Входит почтальон Рулен, мужчина средних лет, ростом под два метра, плечистый, с окладистой, на пробор бородой и пышными бакенбардами; одет в синюю униформу почтового служащего, на голове фуражка с надписью «Postes».

Рулен (*простодушно улыбаясь*). Сколько народу! Добрый вечер всем! По случаю сочельника, я угадал? (*Старухе.*) Здравствуйте, госпожа Пертье. Не чувствую запаха ваших праздничных лепешек.

Вдова. Еще один ненормальный!

Старуха. Помолчи, Полин. Почтальон Рулен человек семейный и степенный. Здравствуйте, господин Рулен.

Вдова (*опять за свое*). В семье он, может, и тихоня, а в компании с ними — такой же псих!

Судомойка. И выпивоха!

Рулен (*ошарашен*). Ну и дела. Что это вы?

Старуха. Извините их, сударь. Сгоряча они, от обиды. (*Указывает на Гогена.*) Этот умник вам все объяснит.

Гоген (*смеется*). «Умник»! Вот умора!

Старуха. Смешно, да? Как бы вам завтра рыдать не пришлось. (*Женщинам.*) Пойдемте! Дома своих забот полно.

Торговка. Вы правы, соседка. Много чести тут оставаться!

Старуха. До свиданья, господин Рулен.

Женщины и мальчик выходят. Перед тем как удалиться, вдова грозит Гогену кулаком.

Рулен (*озадаченный*). Что происходит, Поль?

Гоген. Не обращайтесь внимания, приятель. Присядьте. Выпьете?

Рулен (*сидясь к столу*). Не откажусь.

Гоген. Вы плохо выглядите.

Рулен (*снимает фуражку*). Устал. Рождество для почтальона что наказание господне. На станции — горы писем и телеграмм. Мешки, ящики, коробки... Где Винсент? Я принес ему письмо от брата.

Гоген. С утра не объявлялся. (*Наливает себе и Рулену.*) Скорее всего, торчит у мадам Виржини.

Рулен. Кто такая?

Гоген. Хозяйка борделя на Бу д'Арль.

Рулен. А-а... Но что он делает в борделе?

Гоген. Как что? Кувыркается. Там у него завелась постоянная подружка, некая Рашель. Клиентам она представляется: «Габи». Тьфу! Диву даюсь, что Винсент нашел в этой шлюхе. Шкура да кости. (*Поднимает кружку.*) Ваше здоровье!

Рулен. Быть добру!

Чокаются и выпивают.

Гоген. Дрянь вино! Даже в мочу не превращается. Весь день хлещу и ни разу не вышел во двор. На закуску и табак не рассчитывайте. Ни крошки. Повторим?

Рулен (*оценивает взглядом состояние Гогена*). Не слишком ли вы налегаете, Поль?

Гоген. Плевать! Напьюсь сегодня до розовых поросят.

Рулен. С чего бы?

Гоген (*кивает на дверь*). Эти сутяжные бабы состряпали на Ван Гога жалобу.

Рулен. Какую?

Гоген. Наподобие петиции. Хотят, чтобы ваш мэр упрятал Винсента в сумасшедший дом. (*Наполняет кружки.*) В Арле есть сумасшедший дом?

РУЛЕН *(отвечает, не задумываясь)*. А как же! На окраине, за сахарным заводом. У нас в Провансе этих домов что бакалейных лавок. Чуть ли не при каждой деревне. Суеверные люди пеняют на наше солнце. Оно, мол... *(Осекся.)* Пойдите! Я только сейчас сообразил. Вы серьезно про жалобу? Не в шутку, не спьяну?

ГОГЕН. Какие могут быть шутки! Я серьезен, как кальвинистский пастор во время проповеди. *(Протягивает Рулену кружку.)* За Рождество!

РУЛЕН *(отстраняет руку Гогена)*. Погодите, Поль!

ГОГЕН. А чего ждать? И кого? Винсента? Так он раньше ночи не появится.

РУЛЕН. Погодите, говорю! *(Вытирает фуражкой вспотевший лоб.)* Ну и дела. Они что, бабы эти, белены объелись? Им нечем больше заняться? Вот беда, господи! Ошарашили вы меня... Мэр у нас, скажу вам, пень пнем. Он накануне выборов подмахнет любую бумажку. И вникать не станет. Что будем делать, Поль? Надо бы вмешаться... А? Без нашей помощи Винсент не выпутается. Я баб этих знаю, они не то что в психушку — в могилу загонят человека за простое спасибо. *(Вскочив, отнимает у Гогена кружку.)* Хватит, Поль! Имейте совесть!

ГОГЕН *(озлобляется)*. Не забывайте, Рулен. Вздумали поорать? Отправляйтесь на площадь. *(Сплюнул на пол.)* Помощник выискался! Вы из-за чего всполошились вдруг? Что за невероятную новость я вам сообщил? Не прикидывайтесь простаком, Рулен! Нечто подобное должно было случиться если не сегодня, то завтра, если не завтра, то через неделю, через месяц...

РУЛЕН *(возмущенно)*. Как у вас язык не отсохнет, Поль? Вы же Винсенту первейший друг. Мне страшно вас слушать!

ГОГЕН. Всего-то? А мне страшно рядом с ним жить! *(Отбирает у Рулена кружку и выпивает.)* Сядьте, Рулен! *(Дергает почтальона за рукав.)* Не петушиться! И не смотрите на меня, как на отъявленного мерзавца. Я этого не заслуживаю.

Рулен подчиняется, садится.

Так-то лучше. Благодарю. А теперь напрягите свой слух и постарайтесь вникнуть в каждое мое слово. Я пьян, не спорю, но не до такой степени, чтобы не понимать смысл того, о чем собираюсь вам сказать. А скажу я следующее: никто Ван Гогу уже не поможет. Он болен, и, должно быть, неизлечимо. Знать не знаю, как зовется его хворь в медицине, но она вцепилась в его мозги мертвой хваткой и, судя по ее ненасытному аппетиту, слопаёт их вскоре до последней извилины.

Рулен. Глупости, Поль. Вздор!

Гоген. Нет, не вздор, Рулен, а горькая правда. И говорит вам это не какой-нибудь досужий сплетник и сторонний злопыхатель, а человек, который Винсента по-своему любит и у которого с ним много общего: общее дело и общие друзья, а с недавних пор одна на двоих расческа и зубная щетка. *(Показывает на свою картину.)* Взгляните туда! Этот портрет я писал тайком от Ван Гога и завершил его перед вашим приходом. Узнаёте нашего друга? Как он вам?

Рулен *(смотрит)*. Рисует охапку подсолнухов... Кажется, в вашем пиджаке. В руке дощечка...

Гоген. Палитра.

Рулен *(смущенно)*. Я плохо разбираюсь в вашем ремесле, Поль. По мне, на этой картине Винсент не слишком на себя похож.

Гоген *(с досадой)*. Если бы так и было, что не похож! Увы, приятель, но человек на портрете, этот несчастный с ликом мученика и чумными, впалыми глазами, и есть наш Ван Гог. Настоящий художник или знаток живописи распознает в нем безумца сразу и без подсказки, ему будет достаточно беглого взгляда на холст. *(Вздыхает.)* Эх, Рулен, Рулен! Неужели вы ослепли и не видите, что в последнее время чудачества и странности нашего друга обрели зловещие черты? То, что прежде в нем нас смешило и забавляло, вот уже месяц как вызывает опасения и боязнь. Страх! Согласитесь, одно дело, когда он обувал разноцветные башмаки, да еще не на ту ногу, и

совсем другое, когда он снимает их посреди улицы и запускает в ухмыляющихся прохожих. И таких примеров сколько угодно. *(Встает и склоняется над Руленом.)* А сейчас, приятель, я скажу вам самое главное: Винсент не вообще свихнулся, он помешался конкретно — на живописи. Да, старина, на живописи! Весь свой талант, всего себя с потрохами он положил к ее ногам. И все бы ничего, ответь она ему хотя бы разочек взаимностью. Но живопись, эта продажная стерва...

РУЛЕН. Поль!

ГОГЕН *(ожесточенно)*. К дьяволу изысканный слог! Применительно к Винсенту живопись другого слова не заслуживает! Так вот, эта стерва, возвеличенная им до небес, как изменяла ему с кем попало, со всякими салонными снобами и бездарями, так и продолжает изменять. Этим прохвостам достаются все блага от нее: и слава, и признание, и деньги, ему же — ничего, кроме общего презрения и нищеты. *(Потрясает рукой.)* За десять лет творчества ни одной проданной картины! Это ли не чудовищно: работать денно и нощно, как паровая машина, и не заработать даже на тюбик краски, даже на огрызок карандаша? Если бы не деньги брата, он давно бы подох от голода. Как тут не впасть в отчаянье и не потерять рассудок? *(Махнув рукой, наполняет свою кружку.)* Давайте лучше выпьем, Рулен, и поставим в нашем разговоре точку. Пустая болтовня. Предлагаю тост. *(Поднимает кружку.)* За Винсента Виллема Ван Гога! За могучего и удивительного художника, но больного и проклятого Богом человека!

РУЛЕН *(насупившись, отодвигает кружку)*. Не буду.

ГОГЕН. Как знаете. *(Подносит кружку к губам, но, передумав, резко ставит ее на стол.)* Дернул же меня черт приехать к нему в гости! Полтора месяца, что я живу в Арле, мы только и делаем, что скандалим, причем ругаемся по любому поводу, начиная с того, хороши ли симметрии у Рафаэля Санти, и кончая тем, кому из двоих подмести в доме пол, а кому сходить к зеленщику за луком. Полтора месяца из-за его нелепых выходов я точно

по рее хожу, чуть в сторону — и поминай как звали. Три дня назад, когда мы снова что-то не поделили, я объявил ему, что возвращаюсь в Париж. Так и сказал: надоело, Винсент! уезжаю! баста! Знаете, как отреагировал этот сукин сын на мое решение? Никогда не догадаетесь. Он стащил у меня все мои деньги! Но и это не всё. Он приставляет теперь к двери моей спальни пустое ведро, чтоб услышать, не пытаюсь ли я сбежать. Ну, не чокнутый, а?

Рулен. Не судите его строго, Поль. Он испугался, что вас потеряет. Вы заменили ему семью и стали для него наставником, с вами он связывает надежды на успех в работе... Это его слова.

Гоген *(резко)*. Плевал я на все его надежды! Им никогда не сбыться. Он родился не в той жизни и не на той планете! Его живопись, обладающую загадочной и непостижимой силой, с трудом понимает горстка идиотов вроде меня, Гогена, а он мечтает, чтобы она была понятна всему человечеству. Дуралей! *(Подходит к мольберту и разворачивает его лицевой стороной холста к стене.)* Не хочу видеть тебя! Ты думаешь, что без денег я не уеду? Черта лысого! Я на перекладных уберусь отсюда, пешком уйду!

Рулен. Не делайте этого, Поль.

Гоген. Еще как сделаю! *(Встает и нервно меряет комнату шагами.)* Вчера этот малахольный чуть не отправил меня на тот свет!

Рулен. Не выдумывайте.

Гоген. Клянусь вам, чуть не убил! Дело было в кафе, за ужином. Говорили о том о сем, но больше о наболевшем — о неостребованности наших работ. Слово за слово, принялись друг друга подначивать. Винсент припомнил мне случай, когда в Авеньене (это городок в Бретани) один старик, у которого я квартировал, заделал моей картиной дыру в курятнике, ну а я напомнил историю с его выставкой картин в парижском кафе «Тамбурин». Год назад это сомнительное заведение закрыла полиция, и все его картины выпшвырнули на улицу или отдали тем, кто пожелал использовать подрамники, например, для птичьих клеток. Что тут началось?

Гром и молния! От Ван Гога шарахнулись в стороны даже те, кто едва держался на ногах. Кончилось тем, что Винсент метнул в меня стакан абсента, и, будь он поточнее, мой череп разнесло бы, как глиняный горшок. Видели бы вы его глаза, Рулен! Он смотрел на меня так люто, будто я вырвал у него из груди сердце.

РУЛЕН. Обошлось ведь... Оставайтесь, Поль. Уладим с этими бабами — и уедете. Прошу вас! *(Подхватывается.)* Хотите, я выпью с вами? Давайте! Быть добру! *(Не дожидаясь Гогена, выпивает.)* Все образуется, Поль. Вот увидите! Грош цена нам в базарный день, если мы не защитим товарища от своры клязниц. *(Надевает фуражку.)*

ГОГЕН. Вы куда?

РУЛЕН. К мамаше Пертье. Попрошу старуху не делать глупостей.

ГОГЕН. Не унижайтесь.

РУЛЕН. Еще чего! Я разберусь с ней по-свойски. Было время, я дружил с ее сыном. Теперь он в Монпелье, но связи мы не теряем. Обещаю, никакой жалобы не будет! *(В дверях.)* Вы Винсенту пока ни гу-гу про жалобу. Хорошо? Я заскочу к вам на обратном пути. *(Выходит.)*

ГОГЕН. Беги, наивная душа! Добегаешься, что и тебя прихватят. Доказывай потом, что не осел. *(Окидывает взглядом комнату.)* Куда же Винсент мог спрятать мою мандолину? Обыскался. *(Открывает шкаф.)* Нет, здесь я уже смотрел. Разве что... *(Опускается на колени и запускает руку под топчан.)* Вот она! *(Достает мандолину.)* Такую вещь засунуть под лежак! Варвар! *(Вытирает рукавом овальный корпус, ложится на топчан и бренчит на мандолине, ударяя по струнам как попало.)*

Входит Винсент Ван Гог, на нем мокрое, грязное пальто и поношенная шапка-ушанка, через плечо сумка, в руке этюдник. Ван Гог тридцать пять лет. Широкое лицо, высокий покатый лоб с сильными надбровными дугами, нос с горбинкой, на впалых щеках и подбородке что-то среднее между рыжеватой бородой и щетиной, взгляд голубых глаз несколько исподлобья, напряженный и пронзительный (эту пронзительность подчеркивает глубокая складка, разделяющая брови), под шапкой волнистые соломенные волосы. Он выше среднего роста, физически крепок, в движениях порывист и темпераментен.

ВАН ГОГ *(недовольно)*. Нашел-таки.

ГОГЕН. Нашел. *(Трень-брень, трень-брень.)*

ВАН ГОГ. Прощу тебя, Поль, оставь в покое свою мандолину. Не действуй на нервы.

Трень-брень, трень-брень...

Сгореть бы дотла той лавке, в которой ты ее купил!

ГОГЕН. Я ее не покупал. Помнишь Филлигера из Понт-Этьена?

ВАН ГОГ. Того прыщавого типа, что разводит свиней?

ГОГЕН. Да.

ВАН ГОГ. Как же не помнить! У него чаще плодятся свиньи, чем появляются картины.

ГОГЕН *(трень-брень)*. Эта мандолина — его подарок.

ВАН ГОГ. Воистину свинский. Прекрати, Поль! Не умеешь — не берись.

ГОГЕН. Научусь.

ВАН ГОГ. Второй месяц слышу. *(Ставит этюдник на стол и выкладывает оттуда кисти и краски.)*

ГОГЕН. А я говорю, научусь! Это ты, кроме живописи, ни на что не способен, я же мастер на все руки. *(Трень-брень.)* Керамика? Пожалуйста. Резьба по дереву? Будьте любезны. Скульптура? Какую угодно! Роден позавидует. *(Трень-брень.)* И музыке выучусь. На старости лет, грея ноги у камина, буду сочинять оперы. Похлеще Верди и Гуно. Слушал «Фауста» Гуно?

ВАН ГОГ. Бог миловал.

ГОГЕН *(вопит, подражая оперному певцу)*. «Все кончено! А было ли начало? Могло ли быть? Лишь видимость мелькала!» Ария Мефистофеля.

ВАН ГОГ *(стонущим голосом)*. Пощади, Поль. У меня голова раскалывается.

ГОГЕН *(откладывает мандолину в сторону и садится)*. Твоя взяла! Концерт окончен. *(Разглядывает Ван Гога не без удивления)*. Что за вид, старина? Тебя словно вывалили в грязь.

ВАН ГОГ. Упал; споткнулся обо что-то. *(Снимает грязное пальто, шапку и бросает их под вешалку)*. На всей улице одна-единственная лужа, и я прямо в нее, во весь рост. Плохой знак. Ты веришь в приметы, Поль?

ГОГЕН. Смотря что считать приметой. *(Улыбается)*. Утром, с похмелья, мне каждая выпитая накануне рюмка кажется зловещей приметой. Что же ты не надел свою шляпу со свечками? Глядишь, и не упал бы.

ВАН ГОГ. Откуда ты знаешь про шляпу?

ГОГЕН. Сорока на хвосте принесла. Не хочешь поделиться своим изобретением?

ВАН ГОГ. Не вижу в твоих глазах интереса.

ГОГЕН. Наоборот, я сгораю от любопытства.

ВАН ГОГ. Засмеешь ведь?

ГОГЕН. И не подумаю.

ВАН ГОГ. Ладно. *(Роемся в комод)*. Где же она? Шарф, полотенце, подтяжки... Нашел! В угол забились. *(Показывает Гогену старую фетровую шляпу с огарками свечей по краям)*. Все до банальности просто, Поль. Спереди за шляпную ленту вставляю пять-шесть свечей и зажигаю... Видишь? *(Надевает шляпу и смотрится в зеркало на дверке шкафа)*. Ну как?

ГОГЕН. Потрясающе!

ВАН ГОГ. Весь фокус в том, что в такой шляпе я могу работать даже в непроглядную ночь — на улице, в поле, возле реки... Лампу беру лишь для того, чтобы различать на палитре краски. Попробуй как-нибудь. Эффект поразительный, особенно

когда свет от зажженных свечей колеблется от дуновения ветра. Помнишь мою картину «Звездная ночь», берег Роны и саму Рону под Большой Медведицей? Ты еще восхищался контрастом между бледно-зелеными звездами над рекой и грубым золотом городских керосиновых ламп.

ГОГЕН. Ну.

ВАН ГОГ. Писал при помощи этой вот шляпы. (*Снимает шляпу и заталкивает ее обратно в комод.*)

ГОГЕН (*не скрывая иронии*). Оригинальная находка. А почему не говоришь о ее главном достоинстве? Из скромности?

ВАН ГОГ (*не подозревая подвоха*). Ты о чем?

ГОГЕН. Я о том, что твоя шляпа здорово скрывает от всех дырку в твоей голове. Представляю, какой ужас твоя демоническая фигура навела на местных рыбаков. Они в порядке с тех пор? Не заикаются?

ВАН ГОГ (*искажись в лице*). Ты говори, да не заговаривайся!

ГОГЕН. А то что, опять бросишь в меня стакан?

ВАН ГОГ (*смутившись*). Я, кажется, попросил у тебя прощения.

ГОГЕН. Это верно, попросил. (*Ложится на спину, заложив руки за голову*). Зажги лампу. Темнеет.

ВАН ГОГ. Не командуй.

ГОГЕН. Тобой покомандуешь! Сколько раз говорил: не бросай одежду на пол, не захламляй стол, не оставляй непротертыми кисти и открытыми тюбики! Без толку!

ВАН ГОГ (*посмотрев на стол*). Отдохну немного и приберу.

ГОГЕН. Скажи: «Вот-те крест, приберу!»

ВАН ГОГ. Вот-те крест, приберу.

ГОГЕН (*зевнув*). Если хочешь выпить, вино в оплетенной бутылке.

ВАН ГОГ. Вино? Откуда?

ГОГЕН. Шлялся утром по рынку, и одна приезжая торговка уговорила разгрузить ее тачку.

ВАН ГОГ. То-то ты так горазд на колкости: набрался. (*Зажигает керосиновую лампу и садится к столу.*) Наверно, и Рулена допек своими шуточками?

ГОГЕН. А что Рулен?

ВАН ГОГ. Выскочил из нашего дома как угорелый. Запрыгнул на свой велосипед и укатил в сторону ратуши.

ГОГЕН. Ты Рулена не трожь, он занят спасением души человеческой.

ВАН ГОГ. Чем? Не расслышал.

ГОГЕН. Не спрашивай, я связан обетом молчания.

ВАН ГОГ. Пьянчуга.

ГОГЕН. Был хмель, да вышел. (*Глядя в потолок.*) Что касается твоей «Звездной ночи», да и всех твоих арльских работ, то я от них далеко не в восторге. Написаны, не отнять, от сердца и правдиво, но чересчур прямолинейно. Произнесу по слогам: при-ми-тив-но. Ты снова запутался в каком-то новом «изме», корень слова которому еще не придуман.

ВАН ГОГ. Где уж мне до твоего изысканного стиля! (*Жестко.*) Правда есть правда, Поль! Она не может быть прямолинейной и примитивной.

ГОГЕН (*принимает вертикальное положение*). Вот чудак! Разве я сказал что-нибудь против содержания твоих работ? Я говорю о способе выражения этого содержания, о манере твоего рисунка. Неужели ты считаешь, что правдивость в изображении человека или предмета станет очевидней, если вместо тюбика краски ты выплеснешь на холст ведро? Почему во всех твоих последних работах я неизменно натыкаюсь на неудобоваримую многослойность, на месиво в фактуре? Там, где достаточно одного мазка, ты кладешь все десять. Создается впечатление, что по твоим полотнам прогулялся объевшийся кот: в одном месте наложил кучку, в другом... (*Кивает на картину на стене.*) Взять, к примеру, твои «Подсолнухи». Проведешь по холсту ладонью — и натрешь мозоли! Это что же, новый путь в живописи, — к правде изображения через толщину краски, через узлы и

аляповатость? Хочешь, чтобы твои картины выглядели бугристо и выпукло? Тогда забудь про холст и бумагу, раскрашивай на глобусах горные хребты.

ВАН ГОГ (*выразительно*). И это говорит человек, которого я считаю передовым художником Франции! Ушам своим не верю. Сколько мы знакомы, Поль?

ГОГЕН. Отвяжись.

ВАН ГОГ. Лет пять, не меньше. И что же? Оказывается, все эти годы я дискутировал с человеком, который совершенно не понимает, что, собственно, есть живопись. (*Хлопнув ладонями по коленям, встает и ходит по комнате.*) Теперь мне понятно, почему все твои полотна столь статичны и скудны по гамме. В них недостаточно цвета.

ГОГЕН (*насмешливо*). Чего недостаточно, господин учитель?

ВАН ГОГ. Цвета, Поль! А живопись — это прежде всего цвет. Основа музыки что? Звук. Основа скульптуры — линия. А живопись — это цвет! Все остальное — приложение. (*Распалается.*) Знаешь, почему мои картины выполнены, как ты выразился, аляповато? Это потому, дружище, что, в отличие от тебя, я пытаюсь добиться нужного сочного цвета не только разбавляя, смешивая и перетирая краски, но также делая их предельно густыми и насыщенными. Да, иногда я не пользуюсь кистью и выжимаю краску из тюбика прямо на холст! Да, порой я стегаю капающей кистью по холсту, как хлыстом! Но задумайся, почему я так поступаю. Только ли оттого, что во мне берут верх животные инстинкты и бьют ключом эмоции? Нет! Идея яркого, несказанного цвета — вот что движет мною в работе. Ты **демонстрируешь** цвет, а я его **выражаю**. Улавливаешь разницу? К чертям собачьим тот цвет, который не просится к зрителю, которому уютно в раме! Твой цвет — это удачно подобранная краска, мой — это пламя, пожар, огненная лава! (*Выдвигает рывком ящик стола и достает бритву.*)

ГОГЕН. Ты что задумал, Винсент?

ВАН ГОГ (*раскрывает бритву*). На, Поль, возьми.

ГОГЕН (*напрягшись*). На кой мне твоя бритва?

ВАН ГОГ. Бери! Я хочу, чтобы ты соскоблил слой за слоем краску с моих «Подсолнухов».

ГОГЕН. Сдурел, что ли?

ВАН ГОГ. Возможно! Давай, приятель, попробуй.

ГОГЕН. Это не смешно, Винсент.

ВАН ГОГ. Я не расположен к шуткам!

ГОГЕН. Положи бритву на место. Погорячились — и будет.

ВАН ГОГ (*в глазах лихорадочный блеск*). Нет, ты не отлынивай! Не трусь. Скобли!

ГОГЕН. Я не собираюсь участвовать в твоих нелепых экспериментах.

ВАН ГОГ. А я настаиваю! Должен же я доказать тебе свою правоту.

ГОГЕН. Таким способом?

ВАН ГОГ. Хотя бы! Ну же, засучи рукава! Слой за слоем срезай, постепенно... Быть может, тогда ты признаешь, что с каждым срезом мои подсолнухи станут вянуть и никнуть, что в конце концов они просто умрут. Ты лишишь мои цветы самого важного — их густого и жгучего, их ослепительного и неповторимого цвета. Я жду, приятель. Приступай.

ГОГЕН. Отстань!

ВАН ГОГ. Не отстану! Ведь по глазам вижу: ты не прочь. Тогда — вперед! Не уподобляйся человеку, решившему утопиться, но передумавшему, сочтя воду слишком холодной.

ГОГЕН. Успокойся, Винсент. Ты меня пугаешь.

ВАН ГОГ (*швыряет бритву на стол*). Заячье нутро у тебя, Поль! Ты только на язык смелый. (*Встряхивает бутыл, проверяя на слух, достаточно ли в ней вина.*) Тебе налить?

ГОГЕН. Допивай без меня.

ВАН ГОГ. Почему?

ГОГЕН. Пропала охота.

ВАН ГОГ. Да ладно тебе, не строй из себя обиженного. (*Наполняет кружки.*) Присоединяйся.

ГОГЕН. Сказал, не хочу.

ВАН ГОГ *(выпивает и кривится)*. Что за вино? «Совиньон»? «Каберне»?

ГОГЕН. Не имею понятия. Пойло под названием «пойло». Ну что, утихомирился?

ВАН ГОГ. А ты не суйся ко мне со своими советами, и я буду спокойнее святого на иконе. Тебе по душе гладкие и полированные картины? Дело твое, утюжь их, шкурь, вылизывай... Тебе смешны мои ночные походы со свечками на голове, и тебя устраивает вид звездного неба в проеме окна? Что ж, рисуй в мастерской, усевшись на подоконник. Мне же этого мало! Я — или лицом к солнцу, звездам и природе, или никак! И мне безразлично, к какому направлению и «изму» ты причислишь мою «мозолистую» живопись — к реализму, примитивизму, натурализму... Именуй мой стиль хоть «засранизмом», я буду писать, как хочу и что хочу!

ГОГЕН. Аминь! Не начинай по второму кругу, Винсент. *(Переворачивается на бок, лицом к Ван Гогу.)* Раз уж речь зашла о моих советах, то, будь объективен, ты всегда к ним прислушивался.

ВАН ГОГ. К дельным — да.

ГОГЕН. Ну-ка, ну-ка!

ВАН ГОГ *(колко)*. Снова сгораешь от любопытства?

ГОГЕН. Не лови на слове, я серьезно.

ВАН ГОГ. Например, благодаря твоему совету я стал чаще писать по памяти и, хотя по-прежнему предпочитаю натуру, практикуюсь теперь и в абстракции. *(Достает из кармана кисет и набивает трубку.)* Для меня этот опыт вроде страховки на будущее. Только тренированная память вернет меня туда, где я что-то задумал, но не успел написать, только развитое воображение придет на выручку, когда с годами я стану терять зрение и не смогу видеть дальше своего носа. Закуришь? Я набью тебе трубку.

ГОГЕН. Чуть позже.

ВАН ГОГ *(закурив)*. Именно твой совет, между прочим, подтолкнул меня к мысли научиться писать левой рукой, и однажды, когда я повредил правую, это здорово мне пригодилось.

ГОГЕН. От всех напастей не застрахуешься.

ВАН ГОГ. Верно, не застрахуешься. Но ни одна из них не станет для меня преградой. Проблемой — да, но не преградой. Откажут руки — я научусь рисовать пальцами ног, парализует ноги — буду писать, как африканские туземцы, зубами, откажут глаза — буду писать вслепую.

ГОГЕН *(ошеломлен)*. Ты, определенно, ненормальный, Винсент! Художник убьет в тебе человека... если уже не убил.

ВАН ГОГ *(гневно сверкнув глазами)*. Думай, что говоришь! *(Бросает недокуренную трубку в кружку, из которой пил.)* Запомни, Поль: в моей работе я был и буду прежде всего человеком, а уже потом художником. Это во-первых. А во-вторых, ради создания желанной картины я никогда не поступлю бесчестно, ибо считаю, что хорошая картина равноценна доброму делу, а прекрасная — то же, что подвиг. И если когда-нибудь я почувствую или хотя бы заподозрю, что нечто подлое и звериное убивает во мне человечность, я тут же расстанусь с живописью, а может... и с жизнью.

ГОГЕН. Еще раз аминь.

ВАН ГОГ *(издает протяжный стон)*. И как тебе не надоест надо мной куражиться? *(Опускается на стул и ежится.)* Меня лихорадит.

ГОГЕН. Меньше шлейся в непогоду.

ВАН ГОГ. Я не простужен, Поль. Я болен чем-то другим. *(Вытягивает перед собой руки.)* Взгляни, как дрожат мои пальцы. Представляешь, что творится у меня внутри? Какой там бедлам и хаос? *(Помолчав.)* Меня сторонятся люди, Поль. Не замечал?

Гоген не отвечает.

Судачат, что я вытворяю постыдные вещи. *(Тяжко вздыхает.)*

И я начинаю верить, что так оно и есть. Я-то не помню. Вспышка гнева, а дальше — мрак. (*Пересаживается на топчан.*) Подвинься, пожалуйста. У тебя бывали когда-нибудь галлюцинации и провалы в памяти, Поль?

ГОГЕН. Нет.

ВАН ГОГ. А кошмары по ночам, такие кошмары, что от страха ты просыпался бы, извини, в мокрых кальсонах?

ГОГЕН. Нет.

ВАН ГОГ. Счастливец. А вот меня вся эта дрянь мучит уже месяц.

ГОГЕН. Я знаю.

ВАН ГОГ. Вот как? Гм... Быть может, я заработался? А, Поль?

Гоген не отвечает.

Как ты смотришь на то, чтобы поехать со мной на недельку к морю? В Сен-Мари. Это почти рядом. В июле я писал там приливы и парусники, лачуги рыбаков и цыганские шатры. (*Кладет руку на плечо Гогена.*) Снимем на берегу хижину, отдохнем, порыбачим. Соленый воздух, соленый песок, запах водорослей... Никаких картин!

ГОГЕН. Ты в своем уме? Январь на носу.

ВАН ГОГ. Ну и что?

ГОГЕН (*стряхивает руку Ван Гога*). Поезжай, куда хочешь! У меня свои планы. На днях я уеду в Париж. Твой Арль у меня уже вот где сидит! (*Ударяет ладонью по затылку.*) Самое паршивое место из тех, где я когда-либо побывал! Отправляясь сюда, я ожидал увидеть свежие краски, яркий ландшафт, идеальный вермильон¹ осенних виноградников, а нашел все мелким и жалким: и людей, и пейзаж.

ВАН ГОГ. Наберись терпения, дружище. Ведь эта слякоть и тягучий сумрак не вечны. Весной, когда подтаает альпийский снег, когда зацветут яблони и миндаль, этот край, словно по

¹ Вермильон — высший сорт искусственной киновари (сернистой ртути), употребляемой в качестве красной краски.

мановению волшебника, превратится в сказочную страну. Верь мне! Перечитай «Тартарена из Тараскона». Никто не описал красоту весеннего и летнего Прованса лучше Альфонса Доде. В марте, как и договаривались, к нам приедут Писсарро и Бернар, чуть позже появится Тулуз-Лотрек. Нас будет пятеро. Пять художников в одной мастерской! «Мастерская юга». Как тебе такая вывеска? Первый в мире союз живописцев! Никаких условий и коммерческих обязательств, общая касса, общий успех...

ГОГЕН *(передразнивая)*. «Мастерская юга», «союз живописцев»... *(Пренебрежительным тоном.)* Никто к тебе не приедет, придурок! Не знаю, когда и что наобещали тебе Бернар и Лотрек, но в письмах ко мне они называют твою затею с ассоциацией художников бредовой утопией.

ВАН ГОГ *(в смятении)*. Это неправда... Ты обманываешь.

ГОГЕН. Они же просят меня как можно деликатнее сообщить тебе, что менять Париж на какой-то захолустный Арль не намерены. Так вот, я и говорю тебе «как можно деликатнее», что ты придурок!

ВАН ГОГ *(часто моргая)*. Ты врешь... Ты бессовестно врешь!

ГОГЕН. Их письма лежат в нашей шкатулке. Почитай на досуге. То, что касается тебя, я подчеркнул ногтем. Кстати, о шкатулке. В начале месяца мы положили туда триста франков и разделили их на две части: половина — на продукты и краски, половина — на табак, вино и оплату проституток. Так? Так. Питаемся мы отвратительно, пьем невесть что, в публичный дом к своей Рашель ты шастаешь через день, а я и дорогу туда забыл. Вопрос: где деньги? И, прошу тебя, не оправдывайся провалами в памяти.

Ван Гог сидит в оцепенении.

Между прочим, из этих трехсот франков двести пятьдесят были моими, я получил перевод за свою картину. Ты хотя бы понимаешь, что прикарманил чужое?

Ван Гог молчит.

Хорошо! Давай так: ты покупаешь мне билет до Парижа, и мы квиты. Идет?

Ван Гог безмолвствует.

(Взрывается.) Тебя что, столбняк хватил?

ВАН ГОГ *(у него на глазах выступили слезы)*. Деньги есть, Поль. Деньги ерунда... Я не хочу, чтобы ты уезжал. *(Вяло грозит пальцем в сторону окна.)* Я напишу им в Париж и потребую объяснений... Так нельзя. *(Всхлипывает.)* Я пропаду без тебя, Поль. Меня погубит одиночество.

ГОГЕН. Это тебе лишь кажется, Винсент. *(Обнимает Ван Гога за плечи.)* Ну-ну, не кисни. Пойми наконец, что мой отъезд как раз и разрешит твои проблемы. Неужели ты не видишь, что наша совместная жизнь доставляет тебе одни неприятности? При всей общности наших интересов мы слишком самостоятельны и независимы в творчестве, слишком неуступчивы в суждениях, слишком наэлектризованы в быту. Обрати внимание, наши мольберты ни разу не стояли рядом. Это ли не свидетельство нашей несовместимости? Ты намерен работать и дальше на юге? Пожалуйста! Мой же выбор — уехать. Не лежит у меня душа к твоему Арлю, и все тут! На Мартинике, в Вест-Индии, я писал по три-четыре картины в день, а в Арле сподобился на столько же за месяц. Я спиваюсь здесь и тупею, привыкаю к безделью и праздности, я подцепил здесь триппер... Куда же это годится?

ВАН ГОГ. С кем не бывает?

ГОГЕН. Да уж.

ВАН ГОГ. Право, ты сгущаешь краски, Поль. И работаешь ты не меньше меня. Отнюдь! Пять утра, а ты уже на ногах, уже с палитрой в руке. *(Подходит к мольберту Гогена и разворачивает его, чтобы посмотреть на холст.)* Например, это... *(Замирает.)* Бог мой! Ты ее закончил!

ГОГЕН. Час назад. Узнаёшь себя?

ВАН ГОГ (*всматривается в портрет*). Это, конечно, я... Но я, потерявший рассудок. Ты изобразил меня сумасшедшим.

ГОГЕН. Я показал тебя, каким видел.

ВАН ГОГ. Но на портрете я выгляжу сумасшедшим.

ГОГЕН. Не выдумывай.

ВАН ГОГ (*закипает от злости*). Ты изобразил меня сумасшедшим!

ГОГЕН (*почуяв неладное*). Тебе не нравится моя работа? Выбрось на улицу; я не обижусь. Этому портрету далеко до шедевра.

ВАН ГОГ (*исступленно*). Ты изобразил меня сумасшедшим!

ГОГЕН. Заладил! Других слов нет?

ВАН ГОГ. Зачем ты это сделал, Поль? Решил показать всему миру, что я псих, что я юродивый?

ГОГЕН (*пытается отстранить Ван Гога от мольберта*). Отойди! Я сорву этот холст и выкину в окно. И вся недолга!

ВАН ГОГ. Вот так, значит, да? Решил показать всему миру, что я сумасшедший?

ГОГЕН. Да отойди же ты!

ВАН ГОГ (*свирепо*). Не трожь! Я сам разберусь с твоей мазней. Сперва я с тобой покончу! (*Хватает Гогена за отвороты куртки*.) Ах ты, гад! Ах ты, змей ползучий! Это же надо — изобразить меня сумасшедшим!

ГОГЕН (*вырываясь*). Не дури, Винсент!

ВАН ГОГ. Доконать меня задумал? Не прощу! Убью, сволочь! Зарежу! (*Бросается от Гогена к столу*.) Тебя убью, а потом и себя! (*Хватает со стола бритву*.) Ты куда, бычья морда? Стой, где стоишь!

ГОГЕН (*пятясь к выходу, бледный от страха*). Ты не в себе, Винсент... Ты болен, у тебя приступ. Я пойду в гостиницу... Слышишь? Я переночую в гостинице.

ВАН ГОГ. Стой, говорю! (*Надвигается на Гогена с раскрытой бритвой*.)

ГОГЕН (*выставив перед собой руки*). Не подходи, Винсент! Я

закричу!.. Умоляю тебя, не подходи! Одумайся, не бери грех на душу.

Ван Гог замирает. Спустя мгновение бритва выскальзывает у него из руки и падает на пол. Гоген, подняв воротник куртки и не сказав больше ни слова, выходит.

ВАН ГОГ *(с минуту пришибленно смотрит на дверь, потом медленно садится на стул).* Ушел. И ждать напрасно, не вернется. Бросил... Все бросили. Обманули, предали... *(Поднимает глаза.)* Где же ты, Господи? Почему не придешь мне на помощь? За какие грехи заставляешь страдать и толкаешь на смерть? Мало ли я служил тебе, мало ли поклонялся? Молчишь. Проклял ты меня, Господи. Видно, очень ты был не в духе, когда я родился, вот и проклял. *(Громко стонет.)* Как же болит голова! Невыносимо! *(Опускается на колени и плачет.)* Что делать теперь? Все надежды и мечты насмарку. Зачем жил? Ради кого? Ни семьи, ни детей, ни друга... *(Задирает голову.)* А все Ты, Великий Творец! Ненавижу! И себя за то, что Ты во мне, ненавижу! *(Лихорадочно стаскивает с себя башмаки и запускает их в потолок.)* Получай! Согрей свои святые пятки! *(Поднимает с пола бритву, встает и, подойдя к шкафу, очумело разглядывает себя в зеркале.)* У, мерзкая, лошадиная рожа! Рожа дикаря, изгоя, ничтожества! *(Бьетсся головой о дверку шкафа.)* Вот тебе! вот тебе! вот тебе!.. *(Снова громко стонет.)* Он изобразил меня сумасшедшим! Дьявол! Решил извести меня... Я без тебя управлюсь! *(Подносит бритву к шее.)* Это не сложно. Взмах — и нет Ван Гога! Покой, пустота... *(Пытается полоснуть бритвой по горлу, но задевает только левое ухо.)* А-ай! Промахнулся, черт! *(Роняет бритву и зажимает рану воротником пиджака.)* Кажется, упало что-то... *(Поднимает с пола отрезок уха.)* Мочка уха. *(Нездоровый смешок.)* Плоть от плоти... И сказал Христос: «Примите, ешьте! Сие есть тело мое, за вас ломимое». *(Засовывает мочку в карман пиджака.)* Но я не закончил... Где же бритва? Куда я ее подевал? *(Становится на колени и шарит рукой по полу.)*

Входит Рашель, женщина лет тридцати, неказистая, угловатая, в поношенном пальто и разбитых ботинках. На голове шляпка с перышком, губы в яркой помаде, глаза большие, живые, добрые.

РАШЕЛЬ (*с порога*). Что стряслось, Винсент? Видела только что Гогена... Ни стыда ни совести! Стоит посреди улицы и блюет. Крикнул мне, что ты спятил.

ВАН ГОГ (*не поднимая головы*). Кто там? Меня нет дома.

РАШЕЛЬ. Не дури! Это я, твоя малышка Габи. (*Проходит в комнату.*) Почему ты не пришел сегодня? Зачем обещал, если не собирался? Я ждала-ждала, отказала двум клиентам... Чем ты там занят? Молишься?

ВАН ГОГ. Уходи, женщина. Ты мне мешаешь.

РАШЕЛЬ. Э, да ты здорово набрался! Говорила тебе, не пей больше абсента. Чистая отравка. Дурман! Как-то попробовала и очумела. Привиделось, будто я Мария Магдалина. Ну-ка! (*Поднимает Ван Гога с колен и усаживает его на стул.*) Почему у тебя так холодно? И почему ты не обут? Где твои башмаки? Ага, один вижу...

ВАН ГОГ (*не соображая*). Кто ты?

РАШЕЛЬ (*шутливо*). Твоя невеста.

ВАН ГОГ. У меня нет невесты.

РАШЕЛЬ. Чудненько! Обесчестил, а теперь бросаешь? (*Смеется.*) Я этого не вынесу. Утоплюсь.

ВАН ГОГ (*заторможенно*). Утопишься?

РАШЕЛЬ. Как пить дать! Когда потеплеет.

ВАН ГОГ. Тебя не похоронят.

РАШЕЛЬ. Хочешь, чтоб похоронили? Тогда женись!

ВАН ГОГ. Я узнал тебя. Ты моя Рашель.

РАШЕЛЬ. Вот наклюкался! До положения риз.

ВАН ГОГ. Теперь я вижу: ты моя Рашель.

РАШЕЛЬ. Твоя, твоя. Чья же еще?

ВАН ГОГ (*грустно*). Но ты спала с Гогеном.

РАШЕЛЬ. Я со многими спала. Это моя работа. Ты первый, с кем я делаю это не за деньги. Доволен?

ВАН ГОГ. Нет. Я должен открыть тебе одну тайну... Приблизься, это нужно сказать тихо. Не спи с Гогеном. Он дьявол!

РАШЕЛЬ (*настораживается*). Да что с тобой, Винсент? Ты вроде как и не пьян. Ты зачем натянул на голову пиджак?

ВАН ГОГ. Не прикасайся. Она отвалится.

РАШЕЛЬ. Что отвалится?

ВАН ГОГ. Голова. Я перерезал себе глотку.

РАШЕЛЬ. Господь с тобой!

ВАН ГОГ. Она мешала мне, она болела... Я отрезал ее. Но это между нами. Слышишь музыку? Церковный орган. Та-та-там, та-та-там... Нет, это дрянная мандолина Гогена. Оставь меня, Габи.

РАШЕЛЬ. Бог мой, да ты бредишь! (*Спохватывается.*) Пойдем в спальню, Винсент. Я уложу тебя в постель. Ты весь дрожишь, тебе нужно под одеяло.

ВАН ГОГ (*отталкивается локтем*). Нет! Я из мастерской ни на шаг. Тут мои «Подсолнухи». Когда они рядом, мне светло.

РАШЕЛЬ (*растерянно*). Ладно, посиди... (*Находит решение.*) Я сбегаяю за врачом. Хорошо? Он живет поблизости, в квартале отсюда. Он делал мне как-то аборт, он поможет. Я быстро!

ВАН ГОГ. Постой, Габи, не торопись. Я хочу сделать тебе подарок.

РАШЕЛЬ. Не нужно мне никаких подарков!

ВАН ГОГ (*встает*). Достань из этого кармана, Габи. Ты возрадуешься.

Рашель запускает руку в карман пиджака Ван Гога.

(*Голосом проповедника.*) Истинно говорю тебе, ты возрадуешься и будешь меня помнить. Возьми сию частицу плоти моей и спрячь. Храни ее как зеницу ока.

РАШЕЛЬ (*вынимает из кармана отрезок уха*). Что это? Липкое, красное... В краске, что ли? (*Таращит в ужасе глаза.*) Да это же кровь! Силы небесные! Это же... Мамочка моя! (*Пошатнувшись, падает в обморок.*)

ВАН ГОГ. Что с тобой, Рашель? (*Опускается перед женщиной на колени.*) Габи! Габи!.. (*Тормошит Рашель за плечи.*) Голубка моя, душа моя, что с тобой? Я не хотел тебя обидеть. Не покидай меня, встань, ангел мой! Мне совсем худо. Комната кружится... В глазах рябит, темнеет... (*Тоже теряет сознание.*)

З а н а в е с .

Действие второе

Я, нижеподписавшийся, директор убежища Сен-Реми, удостоверяю, что Винсент Ван Гог, тридцати шести лет, уроженец Голландии, страдает помешательством в острой форме со зрительными и слуховыми галлюцинациями, в результате чего он искалечил себя, отрезав себе ухо. В настоящий момент, видимо, находится в здравом рассудке, но не имеет достаточно сил и мужества для самостоятельной жизни и поэтому просил принять его в число пациентов данной больницы.

Запись, сделанная доктором Пейроном в списке больных лечебницы 9 мая 1889 года.

Сентябрь 1889 года. Убежище для душевнобольных Сен-Поль в Сен-Реми-де-Прованс, что в семнадцати милях от Арля. Кабинет директора больницы Теофиля Пейрона. Два высоких, в романском стиле, окна, широкий стол, десяток простых, без обивки стульев, кресло. Возле двери умывальник и бачок с питьевой водой. Вдоль стен шкаф, этажерка с медицинскими книгами, развесистый фикус и кушетка (над ней распятие). На стене уродливый портрет длиннобородого старца, под портретом табличка «Nostradamus». За полдень. В кабинете СЕСТРА МАРИЯ и СЕСТРА ИОАННА, средних лет монахини местного женского монастыря. Заняты уборкой.

СЕСТРА ИОАННА (*ворчливо*). Второй день убираем. Когда такое было? Ты хотя бы знаешь, кто приезжает?

СЕСТРА МАРИЯ. Слышала, брат нашего больного.

СЕСТРА ИОАННА. Важная шишка?

СЕСТРА МАРИЯ. Вроде нет. Служащий галереи.

СЕСТРА ИОАННА. Галерея — это что?

СЕСТРА МАРИЯ. Наподобие музея.

СЕСТРА ИОАННА. Выходит, издалека гость. Ближайший к

нам музей в Марселе.

СЕСТРА МАРИЯ. Телеграмма пришла из Парижа.

СЕСТРА ИОАННА. Поди ж ты, из Парижа! А кто больной?

СЕСТРА МАРИЯ. Иностранец из угловой комнаты на втором этаже.

СЕСТРА ИОАННА. Из угловой?

СЕСТРА МАРИЯ (*напоминает*). Художник. Он полгода у нас, а до этого лечился в Арле.

СЕСТРА ИОАННА. Который без уха?

СЕСТРА МАРИЯ. Да.

СЕСТРА ИОАННА. Так бы сразу и сказала. А зачем приезжает его брат?

СЕСТРА МАРИЯ. Видно, пожаловался.

СЕСТРА ИОАННА. Кто?

СЕСТРА МАРИЯ. Понятно, больной. Дней десять назад ему запретили рисовать — и теперь он не находит себе места.

СЕСТРА ИОАННА. Беснуется?

СЕСТРА МАРИЯ. Страдает, сестра.

СЕСТРА ИОАННА (*высыпает мусор в ведро*). Не дают рисовать. Подумаешь, трагедия!

СЕСТРА МАРИЯ (*укоризненным тоном*). Ты рассуждаешь, как бездушная миранка, сестра, — без сочувствия, без жалости. Уверяю тебя, этот художник самый несчастный из наших больных.

СЕСТРА ИОАННА. Какой же он несчастный? С другими психами столько не нянчатся.

СЕСТРА МАРИЯ. Он не такой, как другие. Он **понимает**, что болен. Поэтому и пришел сюда по доброй воле. Поступок, достойный уважения.

СЕСТРА ИОАННА. Ты прямо психиатр, сестра. А кем была до пострига?

СЕСТРА МАРИЯ. Учительницей. Ну что, подмела?

СЕСТРА ИОАННА. Да.

СЕСТРА МАРИЯ. Я тоже закончила. (*Оглядывает комнату.*)
Смотрела в рукомойник? Есть вода?

СЕСТРА ИОАННА. До краев. И в рукомойнике, и в бачке.

СЕСТРА МАРИЯ. Тогда бери ведро и уходим. Я возьму халат и полотенца директора. Отдадим в стирку.

Из коридора доносится голос директора больницы Пейрона: «Нет, ну надо же! Просто в голове не укладывается! Едва держится на ногах, едва соображает после приступа, а все туда же — рисовать!» Голос Теодора Ван Гога: «Очень прошу вас, доктор!» Голос Пейрона: «Нет и еще раз нет! В ближайшие две недели никакой живописи!» (*Дверь отворяется.*) Голос Пейрона: «Проходите, пожалуйста». Первым входит Теодор Ван Гог, следом доктор Пейрон. Теодору тридцать два года. В отличие от Винсента, унаследовавшего внешность матери, женщины не слишком симпатичной, с крупными, почти мужскими чертами лица, он пошел в отца, весьма привлекательного и импозантного мужчину. Теодор худощав и подтянут, по натуре мягок и впечатлителен, у него светлые, с рыжим отливом волосы, высокий, с залысинами лоб и выразительные глаза. Он в сером дорожном костюме, в руках шляпа-котелок и саквояж. Доктору Пейрону за пятьдесят; это низкорослый, тучный и страдающий отдышкой человек; на нем врачебный халат, накинутый поверх рубахи и жилетки.

ТЕОДОР (*не унимаясь*). Две недели? Побойтесь Бога, доктор! Для Винсента это вечность.

ПЕЙРОН (*невозмутимо*). Две недели — это две недели, господин Ван Гог. Ни больше ни меньше. (*Замечает монахинь.*)
Добрый день, сестры.

Сестра Мария и сестра Иоанна кланяются.

Управились?

СЕСТРА ИОАННА. Да, господин директор.

ПЕЙРОН. Извините, что лишний раз побеспокоил.

СЕСТРА МАРИЯ. Праведный труд не в тягость. Возьмите ваши ключи, господин Пейрон. Полотенца и ваш халат я отнесу в стирку. Несвежие. Нам пора.

ПЕЙРОН (*прячет ключи в карман брюк*). Всего хорошего, сестры. Спасибо.

Монахини кланяются и выходят.

Что же вы стоите в дверях, сударь? Проходите. Будьте любезны, вашу шляпу и саквояж. (*Относит шляпу гостя на вешалку, а сумку ставит на кушетку.*) Позвольте полюбопытствовать, когда вы получили от брата письмо?

ТЕОДОР. Последнее?

ПЕЙРОН. То, в котором он просит вас приехать.

ТЕОДОР. Три дня назад.

ПЕЙРОН. И сколько же он хочет? Я имею в виду время для рисования.

ТЕОДОР. Хотя бы час в день.

ПЕЙРОН (*хмыкнув*). Вчера он просил у меня уже два. А завтра, готов держать пари, попросит и весь день. Не обижайтесь, господин Ван Гог, но я вынужден вам отказать. С меня довольно и тех страхов, которых уже натерпелся. Садитесь, пожалуйста.

ТЕОДОР (*расстроенный, садится*). Ничего не понимаю... В чем причина? Почему?

ПЕЙРОН (*и ухом не ведет*). Извините за полумрак. Сейчас подойдет санитар и откроет нам ставни. Меры предосторожности, знаете ли. В других помещениях на окнах еще и решетки. Устали с дороги?

ТЕОДОР. Не выспался. В соседнем купе отмечали чью-то помолвку и шумели всю ночь. Послушайте, доктор, я все же надеюсь, что мы договоримся. Ваш запрет, вероятно, вызван каким-то неприятным инцидентом. Если так и если Винсент ненароком...

ПЕЙРОН. Душно, не правда ли? К дождю, наверное. (*Вытирает носовым платком шею и затылок.*) Чем бы вас угостить?

ТЕОДОР. Не утруждайте себя, я перекусил в поезде.

ПЕЙРОН. Тогда, может, выпьете чего-нибудь? Оранжед? Смородиновый сок?

ТЕОДОР. Нет, благодарю.

Пейрон. Рекомендую сок, он без сахара. Пара глотков — и жажды как не бывало.

Теодор. Право, мы не о том говорим, доктор...

Пейрон. Напрасно отказываетесь. *(Достает из настенного шкафчика кувшин и наполняет кружки.)* Я и вам налил, вдруг передумаете. С вашего позволения... *(Пьет.)*

Стук в дверь.

Да!

Входит санитар.

Санитар. Это я, господин директор.

Пейрон. Ты заставляешь себя ждать, Анри.

Санитар. Занят был. Мыл полы в столовой.

Пейрон. По-моему, я нанял тебя санитаром, а не уборщиком.

Санитар. Мать Епифания попросила.

Пейрон. А ты и рад стараться! Что она посулила на этот раз? Лишнюю тарелку супа?

Санитар. От нее дождешься.

Пейрон. Мне нужен доктор Леруа.

Санитар. Позвать?

Пейрон. Немедля! Скажешь доктору, пусть по пути ко мне поинтересуется, как самочувствие Винсента Ван Гога. И еще, возьми возле сторожки лестницу и открой снаружи ставни на окнах моего кабинета. Нечем дышать. Запомнил имя пациента?

Санитар. Да.

Пейрон. Повтори.

Санитар. Ван Гог. Голландец, что вообразил себя художником.

Пейрон. Поприкуси язык! Больные пообедали?

Санитар. Не-а.

Пейрон. Как так? Третий час!

САНИТАР. Мать Епифания на вас кивает. Говорит, что вместо говядины вы опять закупили на рынке одни жилы и мослы. Они, мол, не сварятся и до второго пришествия.

ПЕЙРОН. Что за женщина! Никогда не угодишь. Ладно, Анри, ступай за Леруа. Сначала сходи в правое крыло, я видел его там.

САНИТАР. Иду. *(Выходит.)*

ПЕЙРОН *(вдогонку)*. Не забудь про ставни! Слышишь?

Голос санитара из-за двери: «Не забуду!»

ТЕОДОР. Кто такая мать Епифания?

ПЕЙРОН. Настоятельница монастыря. Ее монахини готовят для наших больных еду, шьют, штопают, стирают... Сестру Марию и сестру Иоанну вы только что видели. Какая ни есть, а помощь. Прислуги и санитаров у меня раз-два и обчелся, а пациентов, особенно летом, — уйма.

ТЕОДОР. Почему именно летом?

ПЕЙРОН. Жуткая жара, господин Ван Гог. Солнцепек, зной. Когда у нас убирают хлеба, то нет дня, чтобы кого-нибудь из жнецов не хватил солнечный удар. Зачем далеко ходить? Ваш брат прошлым летом два раза падал в обморок, рисуя в поле. Это отмечено в его арльских документах. Кстати, как вам показался наш Сен-Реми?

ТЕОДОР. Городок как городок. Пыльные улицы, серые дома. Ничего примечательного.

ПЕЙРОН. Позвольте с вами не согласиться. В иные дни у нас туристов бывает больше, чем жителей. Если пожелаете, я готов послужить для вас гидом. Покажу вам августинский монастырь, нашу церковь и, разумеется, дом, в котором родился великий Нострадамус. На этот дом приезжают взглянуть даже из Америки.

ТЕОДОР. Как-нибудь в другой раз, доктор. Я вырвался к вам

от силы на день. Повидаю Винсента — и обратно в Париж.

ПЕЙРОН (*мечтательно*). Париж! Елисейские поля, площадь Согласия, ночные кафе... Сто лет там не был. Читал в одной из газет, что в Париже некий Эйфель строит уникальную железную башню.

ТЕОДОР. Уже построил.

ПЕЙРОН. Новое чудо света?

ТЕОДОР. Впечатляет. Господин Пейрон...

ПЕЙРОН (*усаживаясь в кресло*). Я слушаю.

ТЕОДОР. В июне вы написали мне, что пока не можете поставить брату диагноз. Уже сентябрь... Выяснили что-нибудь конкретно?

ПЕЙРОН (*не сразу*). У него эпилепсия, сударь. По-народному, падучая. Правда, мой диагноз не единственный.

ТЕОДОР. То есть?

ПЕЙРОН. Кое-кто из моих коллег считает, что ваш брат болен паранойей на почве навязчивой тяги к рисованию, кое-кто — что у него врожденные отклонения в структуре мозга, так называемая порфириновая болезнь.

ТЕОДОР. Вы сказали «врожденные»?

ПЕЙРОН. Да.

ТЕОДОР. Это исключено, доктор. В нашей семье никогда не было душевнобольных. (*Чуть подумав.*) Разве что тетка по материнской линии. Ее давно нет в живых.

ПЕЙРОН (*заинтересовавшись*). Так, так, так... У вашей родственницы бывали припадки?

ТЕОДОР. Со слов матери, старуха заговаривалась и боялась собственной тени.

ПЕЙРОН. А припадки?

ТЕОДОР. Ни малейшего представления.

ПЕЙРОН (*записывает что-то в настольный календарь*). Ее наблюдали психиатры? Лечили?

Теодор разводит руками.

У вас есть младшая сестра. *(Пытаясь вспомнить, потирает лоб.)*
Вирджиния, Виолетта...

ТЕОДОР. Вильгемина.

ПЕЙРОН. Точно! Винсент как-то сказал, что девушка часто болеет.

ТЕОДОР *(сухо)*. Это совсем не то, о чем вы думаете, господин Пейрон. В детстве сестра перенесла сложную простуду и с тех пор страдает головными болями. Так и запишите в свой кондуит. Заодно пометьте, что у нашей матери больные легкие, а у меня почечная недостаточность.

ПЕЙРОН *(покраснев)*. Тысяча извинений! Я повел себя бесцеремонно. Простите. *(Снова вытирает носовым платком затылок.)* Есть еще одно мнение... Арльские психиатры связывают болезнь вашего брата с чрезмерным употреблением абсента.

ТЕОДОР. С пьянством? Ну, нет... Чепуха.

ПЕЙРОН. Я не стал бы сравнивать абсент с алкоголем, господин Ван Гог. Абсент скорее наркотик, и, как это ни печально, он весьма распространен среди людей, работающих творчески, — пьют для вдохновения и обострения восприятия, пьют, чтобы стимулировать воображение... А между тем эта полынная настойка страшнее опиума и часто приводит к умопомешательству.

ТЕОДОР. Но ваш диагноз?

ПЕЙРОН. Мой диагноз: эпилепсия. Острое воспаление головного мозга. Отсюда периодические припадки, галлюцинации и провалы в памяти. В промежутках между приступами ваш брат сохраняет ясность ума и ничем не отличается от здорового человека, но в момент кризиса его поведение подобно извержению вулкана: он крайне агрессивен и не в состоянии контролировать свои поступки. *(Выдержав паузу.)* На долю вашего брата, господин Ван Гог, выпали тяжелые нравственные потрясения. Вместо понимания и сочувствия, помощи и поддержки — невежественное окружение и враждебность. В

Арле он стал объектом постоянных насмешек, его забрасывали камнями и травили собаками, на него подали жалобу, обвинив во всех смертных грехах. Мозг Винсента просто не выдержал. Возможно, абсент или, положим, полуголодное существование и сказались на его психике, но только сказались, — нервная система уже была поражена.

ТЕОДОР (*упавшим голосом*). Эпилепсия. Хуже болезни не бывает, ведь так? Хроническая, неизлечимая...

ПЕЙРОН. Помилуйте, что за мрачные мысли? Откуда?

ТЕОДОР. Я консультировался, господин Пейрон. В Париже вряд ли найдется психиатр, у которого бы я не спросил совета.

ПЕЙРОН. Не знаю, что вам там насоветовали столичные светила, но эпилепсия так же излечима, как и любая другая душевная болезнь. При одном, конечно, условии: если она не запущена. Смею предположить, что проблемы со здоровьем у Винсента начались около года назад. Срок, согласитесь, небольшой. Сама болезнь, как мы с вами выяснили, не является врожденной, она скорее благоприобретенная. Раз так, то шансы на выздоровление у вашего брата достаточно велики.

ТЕОДОР. Вы не лукавите? Не говорите мне в утешение?

ПЕЙРОН. Не имею привычки.

ТЕОДОР (*оживая*). Тогда храни вас Бог, доктор! Вы возрождаете меня к жизни. Я совсем, было, изверился, совсем пал духом. В апреле этого года я женился, и недавно жена сказала, что ждет ребенка. Такие события! Но вроде как мимо меня они, вроде как не со мной. Несчастье с братом для меня подобно затмению солнца: нагрянуло внезапно, омрачило все вокруг и никак не пройдет, никак не закончится. Быть может, Винсенту нужны лекарства? Вы скажите, я пришлю.

ПЕЙРОН. А какой от них прок? Выброшенные деньги. Что необходимо вашему брату сейчас, так это внимание и забота, чуткое и человеческое обращение. И, безусловно, покой. Совершенный покой!

Снаружи открываются ставни, и в одно из окон заглядывает санитар.

САНИТАР. Я открыл, господин директор!

ПЕЙРОН. Что кричишь? Вижу.

САНИТАР. Вам бы поменять на ставнях петли, доктор. Дунет мистраль — грохнутся ставни.

ПЕЙРОН. Хорошо, хорошо. Спускайся.

САНИТАР. Тут такое дело. Я не нашел доктора Леруа.

ПЕЙРОН. Что значит «не нашел»? (*Ищет и находит в календаре нужную страницу.*) Так и есть, у него сегодня дежурство. Он должен быть в больнице.

САНИТАР. В правом крыле его нет. Я проверил.

ПЕЙРОН (*раздражается*). Так пойди влевое! Трудно догадаться? Сходи в процедурную; возможно, он там. Обязательно найди!

САНИТАР. Найду, не волнуйтесь. (*Исчезает за окном.*)

ПЕЙРОН. Послал же Бог санитаров! Остолоп на остолопе. Станут играть с больными в кегли или кости и такой шабаш устроят, что не разберешь, кто из них кто. (*Высовывается из окна и кричит.*) И чтоб через пять минут Леруа был у меня! (*Недовольно качает головой.*) И не рад, что попросил. Лестницу бросил, клумбу вытоптал... (*Подходит к Теодору и ободряюще треплет его по плечу.*) Все образуется, господин Ван Гог, уверяю вас. Не люблю загадывать наперед, но если не произойдет ничего непредвиденного — стучу на всякий случай по столу, — то к концу года ваш брат будет дома. Откровенно говоря, его выздоровление наступило бы и раньше, доверяй он полностью моему персоналу. Увы! Порой он воспринимает нашу больницу как тюрьму, а меня и моих помощников как тюремщиков.

ТЕОДОР. Вас удивляет подобное отношение? Меня, признаюсь, нет. Ведь вы отобрали у Винсента даже карандаши, не так ли? Для него ваш запрет хуже голодной смерти.

ПЕЙРОН. Опять двадцать пять! Да поймите же, наконец, что я запретил вашему брату рисовать для его же блага.

ТЕОДОР (*запальчиво*). Но разве разумно, разве милосердно, доктор, отнимать у больного то единственное, что доставляет ему радость и наслаждение, укрепляет в нем веру в спасение?

Сейчас я кое-что вам прочту. *(Встает и шарит по карманам.)* Я взял с собой одно из его писем.

Пейрон. В этом нет необходимости, господин Ван Гог.

Теодор. Наоборот, вы должны это услышать! *(Находит письмо.)* Так... Вот, послушайте! *(Читает.)* «Я чувствую, что живу, лишь когда работаю перед мольбертом. Только живопись по-настоящему отвлекает меня от прошлых и нынешних невзгод, только она придает мне уверенность в скором выздоровлении». *(Переворачивает страницу.)* А вот еще. *(Продолжает читать.)* «Я с оптимизмом смотрю в будущее, и мои картины, написанные в больнице, этому свидетельство: в них снова появились светлые тона и засверкало солнце. В моих мыслях поразительная ясность, и мазки ложатся на холст связно и почти машинально. Значит, я выздоравливаю». *(Прячет письмо.)* Я, конечно, полнейший профан в психиатрии, доктор, но полагаю, что, отказывая Винсенту в занятии любимым делом, вы совершаете серьезную врачебную ошибку.

Пауза.

Пейрон. Вы не знаете всей правды, господин Ван Гог.

Теодор. О чем вы?

Пейрон. Я о том, что в своем письме ваш брат выдает желаемое за действительное.

Теодор *(опускается на стул)*. Не понимаю вас.

Пейрон. Я объясню. И прошу прощения, что не сделал этого раньше. Не хотел вас огорчать.

Теодор. Ваши слова меня пугают.

Пейрон. Нет-нет, пугаться не стоит. Речь пойдет о событиях минувших, и, даю вам слово, впредь они не повторятся. Надеюсь также, что мой рассказ предостережет вас на будущее.

Теодор *(в полном недоумении)*. Меня?

Пейрон. Да, вас. *(Берет стул и садится рядом с Теодором.)* Вы напрасно думаете, что я не понимаю, как много значит для Винсента живопись, и уж тем более заблуждаетесь, если решили,

что я запретил ему рисовать из прихоти. Помните ваше первое письмо ко мне? Вы написали, что было бы желательно выделить брату отдельную комнату для рисования.

ТЕОДОР. Разумеется, помню.

ПЕЙРОН. Так вот, я не только предоставил Винсенту помещение под мастерскую, но даже разрешил ему рисовать за пределами больницы, сначала в нашем дворе и окрестностях монастыря, потом в поле и роще.

ТЕОДОР. Брат писал мне, и я очень вам благодарен.

ПЕЙРОН. Не торопитесь с благодарностью, господин Ван Гог. За мою покладистость и недалёковидность меня, старика, высечь мало! Все полетело кувырком: и больничный распорядок, и режим, и само лечение. Из мастерской вашего брата не вытащить, со двора не дозваться, на процедуры не дожидаться... Как заметил однажды доктор Леруа, наш режим перестал входить в творческие планы пациента. Гром грянул в конце июня: припадок с признаками мании преследования, а за июньским последовали еще три, и во время двух из них ваш брат пытался покончить с собой.

ТЕОДОР. Боже милостивый! Я отказываюсь в это верить.

ПЕЙРОН. В июле он выпил смесь из акварельных и масляных красок, а спустя пару недель — бутылку керосина, которую стащил у нашего сторожа, когда тот наполнял лампы. К счастью, оба раза при виде его конвульсий больные устроили переполох, и мы вовремя промыли ему желудок.

ТЕОДОР *(подавленный)*. Как же это?.. Я не нахожу слов.

ПЕЙРОН *(с убийственной методичностью)*. В обоих случаях, как выяснилось потом, нервные срывы протекали одинаково: сначала ваш брат приходил в ярость из-за неудавшейся картины, вслед за буйством наступала глубокая депрессия, а завершалось все галлюцинациями с бредовой идеей расстаться с жизнью. *(Выдержав паузу.)* В любом деле, молодой человек, должна быть мера, а ваш брат ее просто не знает. Усевшись перед мольбертом, он напрочь забывает, где он и что с ним происходит, голоден он

или сыт, жарко ему или холодно, справил ли он, прошу прощения, нужду в туалете или сходил под себя. Попробуйте подступиться к нему, когда он работает кистью, попробуйте отвлечь его невзначай от холста и сунуться с пузырьком лекарства. Горя не оберетесь! И вы хотите, чтобы я, врач-психиатр, позволил возобновиться этому адскому процессу, который вашему брату кажется таким упоительным, а на самом деле является для него самоубийством? Нет уж, увольте! Ни красок, ни холстов, ни ключа от мастерской! В лучшем случае до конца месяца.

ТЕОДОР. Можно воды?

ПЕЙРОН. Воды или сока?

ТЕОДОР. Дался вам этот сок! Воды.

ПЕЙРОН. Пожалуйста. *(Подает стакан.)*

ТЕОДОР *(выпив воду судорожными глотками)*. Я в полном замешательстве, доктор. Припадки, конвульсии... Почему же вы ни разу не телеграфировали мне? Почему не вызвали? Я бросил бы все дела и приехал. Господи! Винсент пытался наложить на себя руки, был на краю гибели, а я узнаю об этом только сейчас.

ПЕЙРОН. Ну, во-первых, «на краю гибели» — это громко сказано, прямой угрозы для жизни вашего брата не было, а во-вторых, кто знает, как отреагировал бы он на мою телеграмму. Наверняка воспринял бы ее как донос, это в его характере. И что дальше? Опасаться нового приступа? Вызвать вас, а потом прятать от него свечи, мыло и хлорный порошок? Я не отважился.

Стук в дверь.

Да!

Дверь открывается и появляется доктор Леруа.

ЛЕРУА. Можно?

ПЕЙРОН. А, Жерар! Входите.

Доктор Леруа входит и закрывает за собой дверь. Это высокий и немного сутулый человек лет сорока. Редкие, подкрашенные в иссиня-черный цвет волосы, тонкий пробор, тонкие усики, тонкие бакенбарды.

ЛЕРУА (*кивнув в знак приветствия Теодору, смотрит с тревогой на Пейрона*). Что случилось, господин директор?

ПЕЙРОН. Ровным счетом ничего.

ЛЕРУА. Тогда почему санитар поднял такой крик? (*Подходит к столу.*) «Срочно к директору! Мигом в комнату Ван Гога!» — вопил так истошно, что я уронил градусник.

ПЕЙРОН (*беззвучно смеется*). Пора бы привыкнуть.

ЛЕРУА. Что, действительно, пора, так это хорошенько обследовать нашего Анри и надеть на него смирительную рубашку.

ПЕЙРОН (*встает*). Познакомьтесь, господа. (*Представляет.*) Теодор Ван Гог, младший брат нашего пациента. Доктор Леруа.

ТЕОДОР. Добрый день, доктор.

ЛЕРУА. Здравствуйте.

ПЕЙРОН (*Теодору*). Доктор Леруа непосредственно наблюдает вашего брата.

ТЕОДОР. Я догадался. Как он, доктор Леруа?

ЛЕРУА. Мало-помалу восстанавливается. (*Смотрит на Пейрона, потом на Теодора.*) Надеюсь, вы уже посвящены в наши проблемы?

Теодор опускает глаза, вздыхает.

ПЕЙРОН. Садитесь, Жерар. Или вы торопитесь?

ЛЕРУА. Нет, до вечернего обхода я свободен. (*Садится.*)

ПЕЙРОН. Наш больной вспомнил что-нибудь о последнем припадке?

ЛЕРУА. Почти ничего.

ПЕЙРОН. Что с его галлюцинациями? Прошли?

ЛЕРУА. Зрительные — да, а вот слуховые пока досаждают.

ПЕЙРОН. Снова Гоген?

ТЕОДОР (*вздрагнул*). Гоген?

ЛЕРУА. Да, Поль Гоген. Не знаю, кто это, но его голос ваш брат слышит чаще других.

ПЕЙРОН. Как он вообще в эти дни?

ЛЕРУА. Чересчур нервничает. Много ходит по комнате и тревожно спит. Если ложится, то непременно одетым и обутым. Полагаю, опасается, что проспит приезд брата.

ПЕЙРОН. А сегодня?

ЛЕРУА. Утром был замкнут и, пока я измерял у него температуру, молча и неотрывно читал «Западню» Эмиля Золя. В восемь санитар отвел его на водные процедуры, в девять — в столовую.

ПЕЙРОН. Завтракал?

ЛЕРУА (*утвердительно кивает*). Но общий стол снова проигнорировал. Ел с колен, поодаль от остальных.

ПЕЙРОН (*поясняя*). С вашим братом это бывает, господин Ван Гог. Порой его мучают подозрения, что другие больные, а они у нас, в основном, католики, подсыплют ему, протестанту, в еду яд. Ваша семья имеет какое-то отношение к церкви?

ТЕОДОР. Наш отец был протестантским пастором, а Винсент в молодости — проповедником.

ПЕЙРОН (*изумившись*). Вот так новость! Никогда бы не подумал. (*Поворачивается лицом к Леруа.*) Наш гость приехал, чтобы повидаться с братом, Жерар.

ЛЕРУА. Я могу узнать о цели предстоящей встречи?

ТЕОДОР (*несколько обескуражен*). Обычное свидание, доктор. Пожелания добра и здоровья, приветы от родных и знакомых. Какая еще может быть цель? Я не виделся с Винсентом с января.

ЛЕРУА (*барабанив пальцами по столу*). Мой вопрос отнюдь не праздный, сударь. Третьего дня ваш брат заявил, что, когда вы приедете к нам, то камня на камне не оставите от больницы и положите конец нашему произволу.

ПЕЙРОН (*шутливым тоном*). Так и сказал?

ЛЕРУА (*не разделяя настроения директора*). Так и сказал! Я не хочу, чтобы это свидание завершилось неприятным эксцессом.

ТЕОДОР (*недоумевая*). Помилуйте, да разве я враг своему брату? Право, вы меня удивляете. Вас беспокоит, буду ли я

обсуждать с ним ваши ограничения насчет живописи? Отвечаю: нет. Более того, я постараюсь убедить его в правильности вашего решения.

ЛЕРУА *(встает)*. Пойдемте, я провожу вас в его комнату. *(Вынимает карманные часы.)* До обхода полтора часа, этого будет достаточно.

ТЕОДОР. Но я рассчитывал провести с Винсентом весь вечер!

ЛЕРУА. Ваш брат слишком слаб, господин Ван Гог. К тому же в его поведении наблюдается некоторая неадекватность...

ПЕЙРОН *(прерывает)*. Хорошо! Полтора так полтора. Там посмотрим. Вот что, Жерар, приведите-ка нашего больного сюда, в мой кабинет. Здесь братьям будет удобнее.

ЛЕРУА. Как скажете.

ПЕЙРОН *(Теодору)*. Немного позже я покажу вам нашу больницу. Заодно посмотрите комнату брата и его мастерскую. Вы, кажется, хотели упаковать и увезти с собой часть его картин?

ТЕОДОР. Да.

ПЕЙРОН. Ну вот, в мастерской и решите. *(Берет Леруа под руку и сопровождает его к выходу.)* У меня к вам просьба, Жерар. В коридоре, возле входной двери, стоят пакеты господина Ван Гога. Не в службу, а в дружбу, пакет, в котором лежат продукты, отдайте больному, а другой, с холстами и рисовальными принадлежностями, принесите мне. Я подержу его у себя.

ЛЕРУА. Сделаю. *(Выходит.)*

ПЕЙРОН *(возвращаясь к столу, нерешительным голосом)*. Позвольте задать вам вопрос, господин Ван Гог.

ТЕОДОР. Я весь внимание.

ПЕЙРОН. Вы не пытались отговорить брата от увлечения живописью?

ТЕОДОР. Нет.

ПЕЙРОН *(по-прежнему нерешительно)*. Что, если живопись — это не его призвание? А, господин Ван Гог? Я ни в коей

мере не сомневаюсь, что Винсент человек талантливый и незаурядный, он знает латынь и еще полдюжины языков, он сведущ в философии и теологии, помнит наизусть Гомера и Шекспира... Но есть ли у него при этом талант к живописи? Вот ведь вопрос. Насколько мне известно, его картины открыто игнорируют. Какой смысл тогда так упорно, а главное, так безжалостно для здоровья заниматься делом, которое приносит одни разочарования? Не лучше ли употребить свои способности на что-нибудь другое? *(Голос приобретает уверенность.)* Почему, собственно, живопись? Что нашел он в ней особенного? Ни пользы ему от нее, ни отдачи. И мерила нет, чтоб определить, дан ли ему Богом дар рисования или это только самообман и химера. Честно говоря, картины вашего брата я разве что на зуб не пробовал, я рассматривал их и так и этак, и под углами разными, и вблизи, и на расстоянии. Не понимаю, и все тут! Что за непокорный дух толкает вашего брата рисовать против правил? Почему все его работы вместо того, чтобы радовать глаз красотой и изяществом, выглядят, мягко выражаясь, несимпатично, ну точь-в-точь ладони землекопа? Смотришь на иное его творение — и кажется, что рванет оно сейчас с треском из рамы и врежет тебе по лбу. Вспомнился мне один случай... Как-то ваш брат зарисовал меня во время обхода. Ничего серьезного, беглый рисунок то ли карандашом, то ли тростинкой. Вы знаете, я до такой степени был поражен его ловкостью и умением, что потерял дар речи. Один штришок, другой, третий — и вылитый я. Фокус! Волшебство! И что вы думаете? Винсент тут же порвал мой портретик на мелкие части и заявил, что писал лишь для разминки пальцев. А еще добавил, что подобную ерунду способен за пять сантимов начертать на Монмартре любой рисовальщик. *(Всплескивает руками.)* Непостижимо! Назвать ерундой почти что фотографический снимок! *(Идет к шкафу.)* Минутку! *(Отпирает шкаф и достает с верхней полки свернутый холст.)* Допустим, тот рисунок и представлял собой невесть что, но тогда на что же похоже вот это? *(Разворачивает*

холст, кладет его на стол и прижимает ладонями.) Взгляните. Этот холст он оставил у меня около месяца назад... Придержите этот край, пожалуйста. Спасибо. *(Показывает освободившейся рукой.)* Видите этого коротышку в черной шляпе, куцей жилетке и натянутых чуть ли не до груди брюках?

ТЕОДОР. Вижу.

ПЕЙРОН. Винсент утверждает, что это я. Он также утверждает, что этот якобы я стоит возле якобы дерева и на фоне якобы нашей больницы. Ваше мнение?

ТЕОДОР *(изучает холст пристальным взглядом)*. Скажу, что по технике мазка, композиции и цветовой гамме это работа первоклассного мастера.

ПЕЙРОН. Да?.. *(Надевает пенсне.)* Вы так считаете? Но дерево... Какое же это дерево? А небо? Эта мутно-серая полоска, эти струпья над крышей совсем не походят на небо.

ТЕОДОР. Вы не против, если я заберу у вас этот холст?

ПЕЙРОН. Как пожелаете.

ТЕОДОР *(сворачивает холст и кладет его на кушетку)*. Хотите верьте, хотите нет, доктор, но наступит время, когда эта картина будет стоить миллионы.

ПЕЙРОН *(скептически)*. Неужели?

ТЕОДОР. Поживете — увидите.

ПЕЙРОН. Долго же мне придется жить.

Входят Винсент Ван Гог и доктор Леруа. Ван Гог выглядит изможденным, лицо бескровное, глаза болезненно слезятся и щурятся. На нем не по размеру широкая коричневая пижама и стоптанные башмаки. У Леруа бумажный пакет, из которого торчат кисти и рулоны холстов.

ТЕОДОР *(робко)*. Здравствуй, Винсент.

ВАН ГОГ *(тихо)*. Здравствуй.

ТЕОДОР. Приехал вот... Дневным поездом. Дорога — врагу не пожелаешь. Я весь в саже. Первый вагон от паровоза... Ты как? Можно тебя обнять? Я осторожно. *(Бережно обнимает брата за плечи, но спустя мгновение, оживившись, горячо целует его в щеки.)* Ну, здравствуй, родной! Здравствуй, мой милый! Какой

же ты колючий! И зарос. Постричься бы, а? (*Приглаживает Винсенту волосы.*) Прости, что не приехал раньше. Сам знаешь, как оно... Сплошные хлопоты.

ВАН ГОГ (*его взгляд прикован к пакету в руке Леруа*). Приехал — и слава Богу.

ПЕЙРОН. Присаживайтесь, господа.

Теодор и Винсент садятся рядом.

Как вы себя чувствуете, господин Ван Гог?

ВАН ГОГ (*как и прежде, не отводит глаз от пакета*). Вашими молитвами.

ПЕЙРОН. Очень рад, что вы идете на поправку. (*Берет у Леруа пакет, кладет его в шкаф и запирает ключом.*) Доктор Леруа сказал, что вы читаете Золя.

ВАН ГОГ. Читаю... «Западню». Худшее из того, что он написал.

ПЕЙРОН. Не нравится — отложите. Золя — тяжелый писатель.

ВАН ГОГ. Не для душевнобольных, вы хотели сказать? Жарко у вас... Я вспотел.

ЛЕРУА (*отвечая на вопросительный взгляд Пейрона*). У господина Ван Гога небольшая температура.

ПЕЙРОН. Простудился?

ЛЕРУА. Я думаю, дает о себе знать ухо.

ПЕЙРОН. Разве рана не затянулась?

ЛЕРУА. Затянулась, но боль и зуд не проходят.

ПЕЙРОН. Не забывайте о моей просьбе, Жерар.

ЛЕРУА. Насчет перевязки?

ПЕЙРОН. Да. Сами как-нибудь. Руки наших санитаров годятся только для молота и наковальни. (*Винсенту.*) Я и доктор Леруа решили не ограничивать вас впредь в прогулках, господин Ван Гог. Гуляйте, отдыхайте, читайте на воздухе... Словом, набирайтесь сил. Кроме того, я распорядился, чтобы с завтрашнего дня вам выдавали к обеду стакан сухого вина. Легкое вино вам не повредит.

ВАН ГОГ. Подготовились вы, однако... к приезду брата.

ПЕЙРОН. Приезд вашего брата тут ни при чем. Просто всему свое время. В октябре, например, если не помешает погода, я решил отпустить вас на недельку в Арль.

ВАН ГОГ. Со сворой провожатых?

ПЕЙРОН. Зачем же? Одного.

ВАН ГОГ. Шутите?

ПЕЙРОН. Нисколько. *(На лице появляется неодобрительная мина.)* По мне, бежать бы вам от этого Арля куда глаза глядят; так нет же, вас тянет туда, как кролика в пасть удава. *(Поднимается.)* Мы уходим, господа. Не прощаюсь и желаю приятной беседы.

ЛЕРУА *(склоняется над Винсентом)*. Постарайтесь не делать резких движений, господин Ван Гог. Если почувствуете слабость или недомогание, тут же прилягте на кушетку. *(Пейрону.)* Вы позволите?

ПЕЙРОН. Что за вопрос!

ЛЕРУА *(продолжая, Винсенту)*. И лягте обязательно на бок, чтобы вас не стошнило. *(Выпрямляется, Теодору.)* Я буду в своем кабинете. Это третья дверь по коридору. Понадоблюсь — зовите. Всего вам хорошего.

Пейрон и Леруа выходят.

ВАН ГОГ *(дождавшись, пока за дверью смолкнут шаги)*. Чем порадуешь, Теодор? Говорил с Пейроном?

ТЕОДОР. Говорил.

ВАН ГОГ. И что?.. Когда я снова смогу писать? Сегодня? Завтра? Отвечай же, не томи душу!

ТЕОДОР. Видишь ли... Ты только не расстраивайся, ладно? Бог свидетель, я пытался...

ВАН ГОГ. Оставь Бога в покое, Тео! Скажи прямо, Пейрон тебе отказал?

ТЕОДОР. Отказал. Он считает...

ВАН ГОГ. Считает? *(Резко встает.)* А у него есть для этого мозги, ты спросил? «Он считает»! Да у Пейрона никогда

не было и не будет своего мнения, Тео. Никогда! Во всех вопросах он полагается прежде всего на Леруа. Что посоветует ему этот женоподобный слизняк, то он и делает. Все больные давно воспринимают их как неразлучную парочку педерастов! *(Ходит из угла в угол.)* Скверно! Чужло мое сердце, не пробить тебе Пейрона. Отказал, негодяй! Неужели он не понимает, что я пропаду в этих застенках без работы? Неужели он не видит, что без живописи я постепенно, час за часом угасаю? *(Остнавливается возле шкафа и пытается его открыть.)* Не открывается, черт побери! *(Ударяет по дверкам шкафа ногой.)*

ТЕОДОР *(встревоженно)*. Ты это... возьми себя в руки, Винсент. *(Берет брата под руку и усаживает его на кушетку.)* Не горячись, родной, успокойся.

ВАН ГОГ. Легко сказать! Как, скажи на милость, я могу быть спокойным, если эти двое обращаются со мной хуже, чем с арестантом? Мало того, что они заперли мою мастерскую и замуровали меня в моей комнате, так они еще и обобрали меня до нитки: усыпили снотворным и выгребли из тумбочек все подчистую, не оставив даже волоска от кисточки. *(Хватается за голову.)* Воры! Бессовестные воры!

ТЕОДОР. Не убивайся так. Господин Пейрон пообещал, что через две недели...

ВАН ГОГ. Нашел кому верить! Его обещания ломаного гроша не стоят. Пустой, ничтожный человек! Вся суть его — это словоблудие, за которым кроется элементарная некомпетентность. *(Язвительным тоном пытается воспроизвести слова и интонацию Пейрона.)* «Наша задача, больной, окружить вас вниманием и заботой, ваша — полностью довериться моему персоналу. Два-три месяца — и вы будете совершенно здоровы. Стучу, чтобы не сглазить, по столу». Эту ахиною он повторяет всем подряд, будь то слегка помешанный или конченный психопат. Знаешь, кем работал Пейрон до назначения сюда директором? Окулистом! А до этого он практиковал на пароходах. Каково, а? От душевной болезни меня лечит глазной и судовой врач! Впрочем, черт с

ней, с его некомпетентностью, лишь бы не мешал мне работать. Вся надежда была на тебя... Не вышло. (*Некоторое время, грызя ногти, молчит, потом спохватывается, осененный внезапной мыслью.*) Деньги! Я понял, Тео! Пейрон рассчитывает получить от тебя деньги.

ТЕОДОР. Какие деньги?

ВАН ГОГ. В виде взятки.

ТЕОДОР. Да ну тебя.

ВАН ГОГ (*поглощен своей идеей*). Как же я раньше не догадался? Это же очевидно, Тео! Пейрон задался целью выкачать из тебя деньги.

ТЕОДОР. Не говори глупостей.

ВАН ГОГ. О, ты не знаешь Пейрона! Это человек-копилка. Про его жадность ходят анекдоты. А еще поговаривают, что за деньги он иногда прячет в больнице злоумышленников. Дай ему, Тео! Не поскупись ради меня.

ТЕОДОР (*промокает лоб носовым платком*). У меня нет денег.

ВАН ГОГ. Как нет?

ТЕОДОР. Час назад я заплатил за твое лечение. В моем бумажнике всего ничего, только на обратную дорогу.

ВАН ГОГ. А дома-то есть? Отправь телеграмму жене, пусть вышлет. Почта в Сен-Реми работает до шести, ты успеешь.

ТЕОДОР. Я взял из дому даже те деньги, которые стал откладывать на будущего ребенка.

ВАН ГОГ (*тоскует*). Да, незадача... Сотню бы франков. Да и полсотни хватило бы. Не наберется столько?.. Нет, не ищи. (*Протяжный вздох.*) Ты прав, я говорю глупости. Это от таблеток. Меня пичкают ими с утра до ночи. (*Подходит к шкафу и снова пытается его открыть; потом, заглянув в проем между стенкой шкафа и стеной кабинета, просовывает туда руку, шарит, сопит.*) Плохи мои дела, Теодор. С какой стороны ни погляди, плохи. (*С поникшей головой возвращается на кушетку.*)

Пауза.

ТЕОДОР (*тихо, в голосе звучит обида*). Сколько мы не виделись, Винсент?

ВАН ГОГ (*вытирая руку о штаны пижамы*). Вся рука в паутине.

ТЕОДОР. Сказать тебе?

ВАН ГОГ. И рукав замарал. По локоть.

ТЕОДОР. Восемь месяцев. А ты... даже не обнял меня сегодня, не поцеловал. Одно на уме: живопись. (*Готовый расплакаться.*) А как же я, Винсент? Ты кого с таким нетерпением ждал к себе, брата или ходатая, родного человека или парламентаря?

ВАН ГОГ (*уткнувшись в плечо брата*). Прости, Тео. Я нечаянно. Меня будто парализовало, когда я увидел у Леруа холсты и кисти. Веришь ли, я потерял голову, я забыл свое имя. Не обижайся, брат. Такой уж я... Не зря в больнице.

ТЕОДОР (*обнимает Винсента*). Что ты! Какие могут быть обиды? Выдумашь тоже. Что с твоим ухом? Что за наушник? Ты писал, что твоя рана давно зарубцевалась.

ВАН ГОГ. У меня был приступ... В первых числах. Да ты, верно, уже знаешь: Пейрон не мог не сказать. На следующий день я очнулся с перевязанной головой. Позавчера бинты сняли и нацепили пластырь.

ТЕОДОР. Не улавливаю связи.

ВАН ГОГ. Пейрон говорит, что во время припадка я упал и проехался лицом по плиткам пола. Думаю, врет, выгораживая санитаров. Их работа. Эти ребята, когда пеленают больного, не церемонятся. Сил хоть отбавляй, а жалости ноль.

ТЕОДОР (*стараясь не смотреть на брата*). Скажи, ты тогда, в Арле... целиком его?

ВАН ГОГ. Ты о чем? Ах, об этом... Ты, должно быть, запамätовал, я рассказывал.

ТЕОДОР. Ты был не в состоянии говорить, дорогой. Всю неделю, что я провел возле тебя в Арле, ты не переставая бредил. В письмах мы этой темы не касались. Если мой вопрос неприятен, промолчи или пошли меня к черту.

ВАН ГОГ (*притрагивается к наушнику*). Половинку оттяпал. Вероятно, пытался полоснуть бритвой по горлу, но промахнулся: то ли рука дрогнула, то ли оступился. Я был невменяем, Тео, и случившегося почти не помню. Тот день у меня с утра не заладился. Когда рисовал в поле, мольберт постоянно валил ветер, по дороге домой я шлепнулся в грязь...

ТЕОДОР. Довольно, брат. Больше про это ни слова. Моя Иоханна купила тебе две рубахи. На мне висят, а тебе будут впору. Они там, в другом пакете.

ВАН ГОГ. Спасибо. Когда ей рожать?

ТЕОДОР. По нашим подсчетам, в начале февраля. Если родится мальчик, решили назвать его в твою честь – Винсентом. (*Задорно.*) Винсент Виллем Ван Гог Второй! Звучит?

ВАН ГОГ (*улыбается*). А будет девочка, тогда как?

ТЕОДОР (*смеется*). Не отвертись! Назовем Винсентиной.

ВАН ГОГ. Значит, ждите на крестины. Обязательно приеду! Пусть даже под присмотром санитаров.

ТЕОДОР. Никаких санитаров, родной! К Новому году ты будешь дома.

ВАН ГОГ. Суматошный Париж не для меня, ты знаешь.

ТЕОДОР. Я не имел в виду Париж. Я присмотрел для тебя кое-что другое.

ВАН ГОГ. Что, любопытно?

ТЕОДОР. Овер-сюр-Уаз!

ВАН ГОГ. Ты так восклицаешь, будто это уголок рая. И с чем же его едят, твой Овер-сюр-Уаз?

ТЕОДОР (*вдохновенно*). О, это живописный городок! Он в двадцати милях от Парижа. Тихие немощенные улочки, на домах соломенные крыши, повсюду пшеничные и картофельные поля, вдоль реки яблоневые и грушевые сады. Но главное, что мы будем почти рядом, в часе езды на поезде. Разве не здорово?

ВАН ГОГ (*задумчиво*). Овер-сюр-Уаз. Овер... Знакомое название.

ТЕОДОР. В этот городок нередко приезжали на этюды Клод

Моне и Ренуар. Там же жил и работал старик Добиньи.

ВАН ГОГ. Вспомнил! Ну, конечно, Шарль Добиньи! Знатный был мастер. Чувствовал природу и умел ее выразить, умел показать, какая она есть, без прикрас и надувательства в угоду заказчику.

ТЕОДОР. Помнишь, я писал тебе о докторе Гаше?

ВАН ГОГ. И?

ТЕОДОР. Он охотно согласился устроить в Овере твой быт.

ВАН ГОГ *(вспыхнув)*. Очередной психиатр-соглядатай? Премного благодарен.

ТЕОДОР. Не злись, Винсент. Доктор Гаше обыкновенный врач-терапевт. А еще травник.

ВАН ГОГ. Кто?

ТЕОДОР. Специалист по целебным травам. Кроме того, я вовсе не навязываю тебе его общество. Познакомишься, а дальше сам решишь, поддерживать ли с ним отношения. Скажу лишь, что он весьма образованный человек, сносно рисует, дружен с Сезанном и слывет за большого оригинала.

ВАН ГОГ. И в чем же его оригинальность?

ТЕОДОР. Например, он ратует за общинный, полигамный брак и собирается учредить комитет по анатомированию органов великих людей. *(Расплывается в улыбке.)* Так что не удивляйся, если он предложит тебе завещать ему твой мозг и череп.

ВАН ГОГ. Ты меня заинтриговал. В Бога-то он хотя бы верит?

ТЕОДОР. Ярый атеист. Вместо распятия — портрет Дарвина. Я показал ему несколько работ, из тех, что ты выставял в «Тамбурине». Он был в восторге. Между прочим, «Тамбурин» опять процветает. И кафе, и кабаре.

ВАН ГОГ. И думать не смей! Впредь ни одной моей работы в увеселительных или питейных заведениях! В подобных местах на картины смотрят как на часть интерьера, как на оленьи рога или расписные тарелки: их разглядывают, но не видят. Понимаешь, Тео? Не видят! С моими работами ты волен поступать, как тебе

заблагорассудится, но я не хочу, чтобы ты демонстрировал их где попало и кому попало.

ТЕОДОР (*с грустью в голосе*). Выбирать-то особенно не приходится. Не выставляясь, ты не добьешься признания.

ВАН ГОГ. А зачем оно мне? Оно что, даст возможность глубже понимать мир и усовершенствует технику рисунка? Признание. Слово-то какое! Праздное, сытое, подразумевающее выгоды. Не слово, а пряник. Нет, брат, меня этим пряником больше не приманишь. И, будь я трижды признанным, я буду трижды несчастен, если не смогу заниматься творчеством. (*Встает, подходит к окну и выглядывает во двор.*) В августе я закончил очередную картину из серии «Кипарисы». Хотел написать еще две, но зарядили дожди, и меня перестали выпускать за ворота. Вот это несчастье! А как славно я работал под палящим солнцем! Душа пела! Кипарисы, солнце и я. В совершенной гармонии. Одно целое! (*Оживленно водит рукой по воздуху, как бы рисуя.*) Мазки клал пастозно, в три-четыре слоя, снизу вверх, арабесково, спиралевидно... Писал одержимо и быстро: менялось освещение, менялся ветер, и кипарисы приобретали неприемлемые очертания. (*Поворачивается лицом к брату.*) Солнце на моих холстах в виде раскаленной добела жаровни, небо изнывает от зноя и плавится, деревья словно вибрируют, словно рвутся корнями ввысь. (*Кусает губы.*) И вдруг дожди. Меня охватило такое отчаяние, что я был готов грызть решетки на больничных окнах. Да... Не отпускает меня Прованс.

ТЕОДОР. Как тебя понимать? Не думаешь ли ты сюда вернуться?

ВАН ГОГ. Вернусь. В разгар следующего лета. Не кривись, Тео. Я просто обязан завершить начатое. С кипарисами я намерен поступить так же, как с подсолнухами: сделать галерею, где каждая картина будет, подобно мозаике в готической церкви, неотъемлемо дополнять другую. Кипарисы... Удивительные, замечательные деревья! По линиям и пропорциям, по изысканности они прекрасны, как египетские обелиски. А сколько в

них жизни, экспрессии! Помнишь миф о Кипарисе? Юноша по имени Кипарис, сын греческого владыки, убил нечаянно на охоте своего любимого оленя и впал в такую безысходную тоску, что превратился в дерево вечной скорби, олицетворяющее смерть. Врет миф! Вот уж чего нет в кипарисах, так это скорби и печали, хандры и чахлости. Странно, что до сих пор никто из художников не написал эти деревья так, как их чувствую я. *(Подходит к брату и толкает его в плечо.)* Очнись, Тео! О чем задумался?

ТЕОДОР *(усмехнувшись)*. Я поймал себя на мысли, что очень соскучился по твоему голосу и твоим рассуждениям.

ВАН ГОГ *(усмехается в ответ, но с горькой миной на лице)*. Порассуждать я горазд, это да, пока на меня не накатит. Кстати, ты привез то, что я просил?

ТЕОДОР. Молодчина, что напомнил. *(Достает из саквояжа книгу.)* Держи! Твои любимые «Исторические хроники» Шекспира. Лондонское издание, на английском. Внутри книги — письма от матери и сестер.

ВАН ГОГ. Я говорю не о книге. Я посылал тебе список красок, которые мне необходимы для работы. Зеленый веронез, цинковые белила, красная киноварь... Девять наименований.

ТЕОДОР. Я привез все, что ты заказал. Папаша Танги ворожил над твоими красками две ночи кряду. *(Показывает на шкаф.)* Я уложил их на дно пакета. В отдельном свертке лежат перья, угли и мелки.

ВАН ГОГ *(глядя с тоской на шкаф)*. Как поживает старик?

ТЕОДОР. Так себе. Сидит за прилавком и скучает.

ВАН ГОГ. Идет торговля?

ТЕОДОР. Какая там торговля! Маститые художники в его лавку не заходят, а молодежь берет холсты и краски в долг или расплачивается своими картинами. На витрине, как и прежде, исключительно работы Сезанна и твои; посередине красуется его портрет твоей кисти, а на ценнике семь или восемь нулей. *(Смеется.)* Спрашиваю его: «Что за астрономическая цифра,

папаша Танги?» Отвечает: «Не будут искушать дешевыми предложениями. Картина Ван Гога бесценна!» *(Вздыхает.)* Он очень постарел, Винсент. Поседел, осунулся... Когда вспоминает о тебе, плачет.

ВАН ГОГ. Плачет?

ТЕОДОР. Кто-то из художников сказал ему, что все твои несчастья от облучения солнечными лучами. А еще, дескать, это результат твоих попыток нарисовать то, что во все века противилось быть нарисованным, — солнце, вот оно тебе и мстит.

ВАН ГОГ *(направляется к шкафу)*. Передай старику, что сказавший это — безмозглый болван. Крот с кротовым мышлением. *(Остановившись перед шкафом, возится с дверной ручкой; потом, высмотрев неплотный стык между дверками, пытается открыть их кончиками пальцев.)* Не знаю, как другие, а я, если не вижу солнца или хотя бы не ощущаю его присутствия, перестаю быть художником. В сумрачные дни я превращаюсь в угрюмого маляра-поденщика, в первобытного, пещерного писаку. *(Сделав шаг назад, переводит дух.)* Не поддается, сволочь! Как же с ним справиться? У тебя есть ключи?

ТЕОДОР *(машинально опускает руку в карман пиджака)*. Есть. От квартиры, от рабочего кабинета. А что?

ВАН ГОГ. Дай-ка их сюда. Я попытаюсь отпереть этот саркофаг.

ТЕОДОР *(не шевельнувшись)*. И что потом?

ВАН ГОГ. Неужели неясно? Я заберу свои холсты и кисти. Пусть попробуют после отнять. *(Приникнув к замочной скважине.)* Замок мебельный, любой ключ подойдет. Ну же, Тео! Где ты там? *(Выпрямляется.)* Пожалуй, попробуй ты... У меня дрожат пальцы.

ТЕОДОР *(подойдя к Винсенту, оттесняет его от шкафа)*. Умоляю тебя, не трогай этот шкаф! Что за ребячество? Мыслимо ли это, заниматься взломом? Рассуди здраво, способен ли ты в нынешнем состоянии работать? Нервы на пределе, руки

ходуном... Только холсты и краски переведешь. (*Ведет брата к кушетке.*) Присядь, пожалуйста. Не упрямься. (*Усаживает Винсента на кушетку, берет стул и садится напротив.*) Позволь, я помассирую тебе руки. Вот так... Сиди смирно, не вертись. Чувствуешь тепло?

ВАН ГОГ (*понуро*). Да.

ТЕОДОР (*заглядывая брату в глаза*). Никак не возьму в толк, что с тобой происходит. Отчего так внезапно меняется твое настроение? Не напрягайся, держи руки свободно. (*Продолжает растирание.*) Вот так... Хочешь, я расскажу, над чем работают сейчас твои друзья?

ВАН ГОГ. Кто?

ТЕОДОР. Эмиль Бернар и Тулуз-Лотрек.

ВАН ГОГ. Нет.

ТЕОДОР. Ладно... Тогда я расскажу, как поживают наши сестры.

ВАН ГОГ. Не нужно, Тео. Ты не сообщишь мне ничего нового. Малыш Лотрек медленно, но верно спивается, Бернар перебивается с хлеба на воду и ходит в латаных-перелатанных брюках... У наших сестер болят поясницы и плохо несутся куры. По большому счету, всем им не до меня. У каждого своя жизнь и свои заботы.

Теодор укоризненно качает головой, но возражать не решается.

Ты единственный в мире человек, кому я дорог по-настоящему и кто искренне верит в мое призвание. Для тех же Бернара и Лотрека моя живопись не более чем триумф посредственности, и сдружил нас, как это ни странно звучит, бойкот нашего творчества. Наш союз ничем не отличается от союза нищих под мостом на набережной Сены: те тоже братаются, но объединяет их не родство душ, а общая нужда и пустые кошельки. Что касается нашей семьи, то я для нее давно как ядро на ноге каторжника. Тунеядец, неудачник, сын, отказавшийся следовать праведной и богомольной дорогой отца... Сколько зим минуло с той зимы,

когда он выгнал меня из дому? Семь? Восемь? Разве изменилось что-то с тех пор? Почти ничего. Не стало отца, остался дух отца, и, пока дух этот не выветрится, в глазах матери и сестер я буду по-прежнему тунеядцем и неудачником. *(Вытягивает перед собой руки.)* Смотри-ка, не дрожат. Ты просто кудесник, Тео. Жаль, что нельзя с таким же успехом размять и мои мозги. Не возражаешь, если я положу голову тебе на плечо?

ТЕОДОР. Давай.

ВАН ГОГ *(склоняет голову)*. Какая-то тяжелая она сегодня. Обычно такую тяжесть я чувствую ближе к ночи. Тогда мне кажется, что голова вот-вот провалится внутрь тела, и начинает мерещиться всякая дрянь: страхи и ужасы в стиле картин нашего Хиеронимуса Босха или испанца Гойи. Ты бываешь на могиле отца?

ТЕОДОР. Всякий раз, когда навещаю мать.

ВАН ГОГ. В будущем году поедem вместе.

ТЕОДОР. Хорошо.

ВАН ГОГ. На днях я отослал письмо матери и только потом сообразил, что написал его по-французски. Обидно.

ТЕОДОР. Что?

ВАН ГОГ. Что я совсем офранцузился. Ты когда уезжаешь?

ТЕОДОР. Завтра. К хозяевам галереи прибывают очередные толстосумы из Америки, и я обязан быть на работе.

Пауза.

ВАН ГОГ *(охваченный внезапным волнением)*. Я вот о чем подумал... Что, если я поеду с тобой? А, Тео? В конце концов, я лечусь в этой больнице добровольно, и никто не вправе удерживать меня здесь силком.

ТЕОДОР *(застыгнут врасплох)*. Но как же?... Хм... А Пейрон?

ВАН ГОГ. А что Пейрон? Поскрежещет зубами и отпустит. Уже есть прецеденты.

ТЕОДОР. Что, прости?

ВАН ГОГ. Подобные случаи. Месяц назад, например, мать

одного шизофреника под предлогом, что ее не устраивают результаты лечения сына, забрала его под свою опеку. Пейрон, не стану врать, воевал, как мог: пациент-то платный. Но в итоге сдался. Ну? Что молчишь?

ТЕОДОР (*в замешательстве*). Постой... Дай собраться с мыслями. (*Встает и ходит по комнате.*) Предположим, я улажу формальную сторону дела. Но дальше-то что? У тебя температура, нервное истощение, общая слабость... Ты выбьешься из сил, не доехав до ближайшего поселка, а я не смогу оказать даже первую помощь. Случись что-нибудь... Хм... Загадал ты загадку.

ВАН ГОГ (*встает и следует за Теодором по пятам*). Соглашайся, Тео! Где наше не пропадало! Полдня в пути, эка невидаль!

ТЕОДОР. Семнадцать часов, Винсент.

ВАН ГОГ. Пусть так. Я выдержу и больше! Сама мысль, что я вырвался на свободу, придаст мне сил и мужества. Спроси у Леруа, и он подтвердит, что, если я ограниченно двигаюсь и не пускаюсь в серьезные разговоры, мне не страшны никакие нагрузки. Тебе не будет за меня стыдно.

ТЕОДОР (*опускается на стул и в задумчивости трет подбородок*). Не знаю, что и сказать тебе... Я должен подумать.

ВАН ГОГ. Тут не о чем думать! Решение на поверхности: уложить вещи и ехать. На всякий случай возьмём у Леруа что-нибудь из медикаментов и успокоительные таблетки.

ТЕОДОР. Для кого из нас? У меня уже сейчас дрожат поджилки. Ты присядь пока. Я вовсе не против отъезда, но что-то подсказывает мне, что идея уехать именно завтра смахивает на авантюру.

ВАН ГОГ (*не сядясь*). Внутренний голос, да?

ТЕОДОР. Рассудок.

ВАН ГОГ. А он не подсказывает тебе часом, что через месяц я протяну здесь ноги?

ТЕОДОР. Бог с тобой!

ВАН ГОГ (*нависает над братом*). Пойми, Тео, что моя жизнь в этой душегубке стала невыносимой, а теперь, без живописи,

она превратилась и вовсе в ад. Ожидаемого выздоровления нет, и я потерял всякую надежду, что оно когда-нибудь наступит; приступ следует за приступом, но лечение сводится лишь к приему пилюль и гидротерапии, а проще — к погружению в лохань с ледяной водой; я почти не ем, еда противна до омерзения, пахнет плесенью и тараканами, и по этой причине, если ты заметил, все коридоры пахнут газами больных. Ты оглянись по сторонам, Тео! Кругом решетки и запоры, на каждом шагу надзиратели и монахини. Просыпаясь и засыпая, ежедневно задаю себе вопрос: где же, о черт возьми, я нахожусь, — в больнице, куда обратился за помощью, или в тюрьме, куда попал за уголовную провинность? *(В изнеможении от бурной тирады опускается на кушетку.)*

ТЕОДОР. Н-да... Напомни, пожалуйста, что от меня требуется. Заявление?

Ван Гог кивает.

На имя Пейрона?

Ван Гог кивает.

Еще что-то?

ВАН ГОГ. Расписка или обязательство. Пейрон скажет.

ТЕОДОР. Поправь меня, если я ошибусь. Подписав эти бумаги, я снимаю с больницы всякую ответственность за возможный рецидив твоей болезни и возлагаю эту ответственность на себя. Так?

ВАН ГОГ. Да.

Пауза.

ТЕОДОР. Хорошо, будь по-твоему.

ВАН ГОГ *(просияв)*. Ты умница, Тео! Ты мой ангел-спаситель! Я знал, что ты не откажешь! Мать и сестры, те отказали бы, у них болят поясницы и плохо несутся куры. А ты — нет, ты — никогда!

ТЕОДОР. Угомонись.

ВАН ГОГ. Труби, трубач! Объявлен сбор! Ту-ту, ту-ту!..

ТЕОДОР. Угомонись, говорю.

ВАН ГОГ. Это в последний раз, Тео. В поезде я буду невидим и неслышим. Раз обещал, не подведу.

ТЕОДОР. Надеюсь. *(Сосредоточивается.)* Так... С Пейроном я объяснюсь сегодня же. Откладывать разговор на завтра не имеет смысла. Утро и без того будет хлопотным. За полгода у тебя накопилось здесь столько добра, что попробуй его уложить. Картины, холсты, эстампы, эскизы, книги... Я видел на лужайке за воротами лошадь и телегу. Чьи они?

Ван Гог вдруг пригорюнился, сник.

Ты не расслышал? Кто хозяин лошади и телеги?

ВАН ГОГ. Больница.

ТЕОДОР. А кто правит?

ВАН ГОГ. Сторож.

ТЕОДОР. С ним можно договориться?

ВАН ГОГ. О чем?

ТЕОДОР. О перевозке твоих вещей на станцию, к багажному вагону. Поезд останавливается в Сен-Реми на считанные минуты. Надо успеть. Да что с тобой?

ВАН ГОГ. Я не поеду, Тео.

ТЕОДОР. Как не поедешь?

ВАН ГОГ *(невнятно)*. Я забыл... Ты напомнил мне... Словом, я должен остаться.

ТЕОДОР. Зачем?! *(Посмотрев на брата, сидящего с опущенной головой, разводит руками и совершает бесцельно круг по комнате; после останавливается напротив картины на стене.)* Где Пейрон раздобыл эту дрянь?

ВАН ГОГ. Портрет Нострадамуса? У какого-то старьевщика на рынке. Тот заверил его, что это полотно средневекового мастера.

ТЕОДОР. Средневекового? Написано от силы год назад. На

куске мешка из-под муки.

ВАН ГОГ. Я знаю. (*Подходит к брату и дотрагивается до его плеча.*) Я расстроил тебя? (*Не дождавшись ответа.*) Видишь ли, я вспомнил о двух моих картинах: вид запущенного сада возле монастыря и вид крутого, заросшего кустарником оврага. Я начал их практически одновременно, но по известной тебе причине не закончил.

ТЕОДОР. Закончил бы дома.

ВАН ГОГ. По памяти? Рисуя по памяти, я эти работы испорчу. Я не сумею передать на холсте запах травы и листвы, аромат здешнего воздуха и почвы. Такие пейзажи нужно писать вживую, слитно с природой, впитывая ее в себя и вдыхая, писать в состоянии, когда у тебя горят щеки и раздуваются ноздри. Нет, Тео, в мастерской я их угроблю. Кроме того, у меня засел в голове один дивный сюжет — «Кипарис со звездой»; при мысли о нем у меня чешутся руки и учащенно бьется сердце. Вот если бы ты приехал за мной в октябре... в ноябре...

ТЕОДОР (*прохладно*). Вряд ли меня снова отпустят с работы.

ВАН ГОГ (*пряча взгляд*). Ты мог бы поговорить с Гогеном. В ноябре он наверняка будет маяться без дела.

ТЕОДОР. Нет.

ВАН ГОГ. Почему?

ТЕОДОР (*подчеркнуто твердо*). Уж лучше я приеду за тобой сам. Чего бы мне это ни стоило.

Пауза.

ВАН ГОГ (*угрюмо*). Он не отозвался ни на одно мое письмо, брат. Я писал ему из Арля, дважды написал из Сен-Реми... Ни ответа ни привета. Что это, Тео? Затянувшаяся обида, безразличие, недосуг? И разве так поступают друзья? Неужели был прав папаша Танги, когда сказал мне однажды, что Гоген не способен на дружбу? (*Нервно.*) Тео, скажи честно, положила руку на сердце, ты веришь, что я хотел его убить?

ТЕОДОР. Чур тебя!

ВАН ГОГ. Веришь или нет?

ТЕОДОР. В это никто не верит, а я — тем более. И вот что, давай сменим тему...

ВАН ГОГ. Нет, постой! Зачем тогда Гоген с таким упорством доказывает всем, что я кинулся на него с открытой бритвой? Почему изображает из себя невинную жертву, а меня выставляет чуть ли не монстром?

ТЕОДОР. Тебя интересует мое мнение? Изволь. Во-первых, так Гоген пытается оправдать свой поспешный отъезд из Арля, а во-вторых, он пользуется тем, что ты не помнишь обстоятельств вашей ссоры. С не меньшим успехом он мог бы утверждать, что ты гонялся за ним по Арлю с топором.

ВАН ГОГ. Это ты верно подметил, насчет его отъезда. *(Закипает от злости.)* Вот только это был не отъезд, а подлое, трусливое бегство! Мне часто мерещится один и тот же сон: Гоген, размахивая тростью, шагает по перрону, а за ним семенит носильщик с чемоданами. «Не вы ли тот господин, друг которого лежит, окровавленный, в больнице?» — спрашивает носильщик, а Гоген отвечает: «Помилуйте, я знать не знаю этого сумасшедшего, никогда о нем не слышал и слышать не желаю». *(Вне себя от гнева.)* Как такое может быть, Тео, чтобы у художника невероятной силы была столь мелкая и жалкая душонка?

ТЕОДОР. Винсент, прошу тебя...

ВАН ГОГ *(не унимаясь)*. Кем возомнил себя этот пьяница и сифилитик? Вторым апостолом Павлом? Вершителем судеб а-ля Бонапарт? На какую заоблачную вершину он вознес себя, что оттуда я представляюсь ему ничтожной букашкой, недостойной короткого письма? Я же попросил у него прощения, объяснил, что случай с бритвой был вызван внезапным помутнением рассудка. *(Топнув ногой.)* Кто, если не я, приютил этого бродягу у себя в доме? Я побелил стены, провел в квартиру газ, купил для него кровать... А он вполз ко мне, как гремучая змея, въехал, как троянский конь... Постоянные ухмылки и попреки, вечно

надменный взгляд... *(Громко стонет.)* Я заговариваюсь, Тео. Я путаюсь... Мне плохо.

ТЕОДОР *(в ужасе)*. Боже правый! У тебя пошла носом кровь. *(Выхватывает из кармана носовой платок.)*

ВАН ГОГ. Кровь?

ТЕОДОР. Вот, взгляни! *(Вытирает платком кровь и показывает.)*

ВАН ГОГ. Вздор! *(Окончательно теряет над собой контроль и, уставившись на дверь, свирепо грозит кулаком.)* Проклинаю тебя, Гоген! И не обрести тебе покоя, ибо проклят ты человеком блаженным. Ты думаешь, я останусь в этой тюрьме навеки? Сдохнешь — не дождешься! Я вернусь, и мы продолжим наш спор! Я докажу тебе, кто из нас подлинно художник. *(Хватает брата за рукав.)* Ты видишь?

ТЕОДОР *(вертит головой)*. Что?

ВАН ГОГ. Он! Поль Гоген! Вошел, не открывая дверь... Как же иначе, — сатана! И произнес Христос: «Встаньте и посмотрите — идет тот, кто Меня предал!» *(В бредовом экстазе.)* Ну, здравствуй, Гоген! Здравствуй, бычья морда! Явился сказать, что художник убил во мне человека? Молись, скотина; я вызываю тебя! И в этот раз я обойдусь без бритвы... Камнем управлюсь! *(Хватает с кушетки томик Шекспира и швыряет его в дверь.)* Получай, папуас! *(Снимает с ноги башмак и запускает его вслед за книгой.)* Каково оно, когда тебе больно, когда душа твоя кровоточит? То ли еще будет! Я покажу тебе, кто из нас кто! Дай только добраться до кистей и красок! *(Снова неистовствует у дверей шкафа.)* Это не шкаф, а крепостная стена какая-то! *(Опускается на четвереньки и шарит под шкафом обеими руками.)* Тут должны быть шпингалеты... Приспособления такие... Когда ими щелкнешь...

ТЕОДОР *(падает на колени подле брата и умоляюще жестикулирует)*. Винсент, дорогой мой! Слезно прошу, успокойся! Здесь нет и не может быть Гогена. Тебе померещилось. Пойдем со мной, я уложу тебя на диван.

ВАН ГОГ. К черту диван! Посвети мне! Где свечи? Где лампа? Шпингалеты — те же крысы. Шасть, шасть, шасть...

Дверь распахивается и появляется доктор Леруа.

ЛЕРУА. Что стряслось? Что за крики?

ТЕОДОР *(невразумительно)*. Да вот... Был спокоен, разговаривал... И вдруг... Я в ужасе, доктор!

ЛЕРУА *(мгновенно оценив ситуацию, укоризненным тоном)*. Эх, господа, господа! «Пожелания добра и приветы от близких» — так, кажется? *(Наклоняется над Винсентом.)* Давно это с ним?

ТЕОДОР. Минуту, две...

ЛЕРУА. Что он ищет?

ТЕОДОР. Шпингалеты.

ЛЕРУА. Зачем?

ТЕОДОР. Он хочет открыть шкаф.

ЛЕРУА. Он узнаёт вас? Понимает, где находится?

ТЕОДОР. Я не знаю. У него шла носом кровь, доктор. *(Намеревается встать.)*

ЛЕРУА. Не поднимайтесь, пожалуйста! Будьте возле него. *(Винсенту.)* Господин Ван Гог, вы слышите меня? Это я, доктор Леруа.

ВАН ГОГ *(оборачивается; злобно)*. А, ваше преподобие! Аббат Леруа! *(Тут же цепляется за полы халата доктора и пытается залезть ему в карманы.)* Я требую отдать мне ключ!

ЛЕРУА *(ублажающим тоном)*. У меня их несколько. Какой вас интересует?

ВАН ГОГ. От шкафа!

ЛЕРУА. Ах, этот. Я отдам, не волнуйтесь.

ВАН ГОГ. Сию же минуту отдайте!

ЛЕРУА. Он у меня в другом халате, то есть в другой сутане. Я принесу. *(Щелкает перед глазами Винсента пальцами.)* Вы видите мою руку?

ВАН ГОГ. Да.

ЛЕРУА. Отчетливо видите? Моя рука не двоится, не расплывается?

ВАН ГОГ. Нет!

ЛЕРУА. Сколько на ней пальцев?

ВАН ГОГ. Пять, черт бы вас побрал! От вашей руки разит микстурами.

ЛЕРУА. Забавно, да? Аббат, пропахший микстурами. Но ваш ключ у меня, и вы скоро его получите.

ВАН ГОГ (*в сторону двери*). Слышишь, Гоген? Этот двустворчатый гроб согласились открыть. (*Ослабившись.*) Теперь ты не отвертись! Половина холста моя, половина твоя. Рисуем по сигналу, по удару колокола... Посмотрим, кто кого!

ЛЕРУА (*Теодору*). Худо дело. Возьмите его за руки.

ТЕОДОР. Как?

ЛЕРУА. Да как угодно! Хотя бы за запястья. Взяли?

ТЕОДОР. Да.

ЛЕРУА. Держите крепко! И ни в коем случае не поднимайте его с пола. Во избежание судорог. Ясно? Я отлучусь буквально на мгновение.

Леруа поспешно выходит, и сразу же, едва за ним закрылась дверь, Винсент предпринимает яростную попытку вырваться.

ТЕОДОР (*удерживая брата*). Не двигайся, Винсент, не вырывайся. Заклинаю тебя! Твои силы и без того на пределе. Потерпи чуть-чуть. Я не причиню тебе боли.

ВАН ГОГ (*обмякнув, жалобным голосом*). Отпустите меня, добрый человек. Я отблагодарю вас... У меня есть чудная картина «Едоки картофеля». Она ваша!

ТЕОДОР. Отпущу, дорогой, погоди малость. Сейчас придет доктор и сделает тебе укол. Ты уснешь, а я сяду возле тебя и всю ночь буду охранять твой сон.

ВАН ГОГ (*помутневшим взглядом рассматривает Теодора*). Кто вы, добрый человек? Вы мне кого-то напоминаете... Подскажите, я вспомню.

ТЕОДОР (*теряется*). У тебя есть брат... Теодор. Так вот, я и есть твой Тео.

ВАН ГОГ (*безумный смешок*). Не смешите меня! Мой брат в Париже. Париж — это столица Франции. (*Всхлипнув.*) Мой брат женился, и ему не до меня. Я жду его, жду, а он не едет.

Входят доктор Леруа, санитар, следом за ними директор
Пейрон.

ЛЕРУА. Живее, Анри! Я — за левую, ты — за правую. Под локти.

САНИТАР. В первый раз, что ли?

Леруа и санитар подхватывают Винсента под руки и ставят на ноги.

ЛЕРУА. Аккуратнее! У него раненое ухо!

САНИТАР. Вижу.

Теодор встает с колен и поднимает башмак брата.

ВАН ГОГ (*отчаянно сопротивляясь*). Не смей меня хватать! Я лягну!.. Врежу так, что никому не поздоровится!

ПЕЙРОН. Куда вы его, Жерар?

ЛЕРУА. К себе. Введу что-нибудь успокоительное. Тише, господин Ван Гог! Вам хотят добра. Не упирайтесь.

ВАН ГОГ. Не смей, ироды! (*Извивается что есть мочи.*) Отпустите руку! Ах, мать вашу! У-у-у!..

САНИТАР (*взвизгнув*). А, черт! Он укусил меня за плечо.

ЛЕРУА. А ты не зевай! Повели, Анри!

ВАН ГОГ (*уже в дверях*). Ироды! Гиены! Мой брат, мой Тео!

ТЕОДОР. Да, Винсент!

ВАН ГОГ. Добрый человек! Вызовите моего брата! Слышите? Я доверяю вам... Его адрес: Париж, улица Лепик... Лепик, 54. Не забудьте!

Доктор Леруа, санитар и Винсент Ван Гог покидают кабинет. Директор Пейрон закрывает за ними дверь. Какое-то время из коридора еще слышны неразборчивые возгласы и возня. Потом наступает тишина.

Пейрон. Мы сделаем все возможное, господин Ван Гог. Этот припадок не продлится долго... Вы уж извините, что пришлось применить силу. Не беспокойтесь, ваш брат нисколько не пострадает. Я оставлю вас на некоторое время.

ТЕОДОР *(бледный, в оцепенении)*. Что?.. Да, пожалуйста.

Пейрон. Нужно распорядиться насчет лекарств и сиделки; такой порядок. Я скоро. *(Кивает на башмак Винсента.)* Вы позволите?

ТЕОДОР. Что?.. *(Только теперь обнаруживает, что по-прежнему держит башмак брата в протянутой руке.)* Да, возьмите. Это... Винсента.

Пейрон. Я не заставлю вас ждать. *(Выходит.)*

ТЕОДОР *(состояние полубморочное)*. Боже мой! Несчастный мой брат. *(Собирает выпавшие из книги письма. Плачет.)*

З а н а в е с .

Действие третье

Овер-сюр-Уаз: В воскресенье, 27 июля, некий Винсент Ван Гог, 37-летний голландский художник, проживавший в Овере, выстрелил в себя из револьвера, находясь в поле. Будучи только ранен, он вернулся в свое жилище, где и умер через день.

Сообщение газеты «L'echo pontoisien» 30 июля 1890 года.

Овер-сюр-Уаз, городок неподалеку от Парижа.

К а р т и н а п е р в а я

27 июля 1890 года, за полдень. Дорога вдоль пшеничного поля. В глубине поля стога сена, за стогами несжатая пшеница. У дороги в высокой траве старая шелковица. В тени дерева сидят Пьер и Луиза, муж и жена, жнецы. Пьер точит серп, Луиза выкладывает из корзины продукты. Им по тридцать лет; оба загорелые, крепкие, разморенные от жары.

ЛУИЗА. Долго еще ждать?

ПЬЕР. Обоза?

ЛУИЗА. Да.

ПЬЕР (*смотрит на солнце*). Час или около того.

ЛУИЗА. Скорее бы.

ПЬЕР. А куда спешить? Пообедаем, а там и телеги подкатят. Нас высадили первыми? Первыми. Подберут последними. К четверем будем дома.

ЛУИЗА. Поздно. В шесть нам нужно быть в Понтуэзе.

ПЬЕР. С какой радости я должен переться на ночь глядя в Понтуэз? Завтра опять спозаранку в поле.

ЛУИЗА. Ты что, забыл, какой сегодня день?

ПЬЕР. Какой?

ЛУИЗА. Воскресенье, двадцать седьмое.

ПЬЕР. И что?

ЛУИЗА. Двадцать седьмое июля!

ПЬЕР (*проверяя пальцами лезвие серпа*). И чем, скажи пожалуйста, твое «двадцать седьмое» отличается от двадцать восьмого?

ЛУИЗА. Ну, ты осёл, Пьер!

ПЬЕР. Схлопочешь.

ЛУИЗА. А я повторяю: ты осел. Сегодня же день рождения твоей матери! Она ждет нас к ужину.

ПЬЕР (*приходит в замешательство*). Черт! Забыл... Ей богу, вылетело из головы. (*Откладывает серп.*) Придется ехать.

ЛУИЗА. Понятно, поедem.

ПЬЕР. А подарок?

ЛУИЗА. Подарок я приготовила загодя.

ПЬЕР. Очередной фартук?

ЛУИЗА. Не язви. Я купила крынку для молока, симпатичную такую, с росписью, и глубокую салатницу. Но предупреждаю: никаких посиделок. Поздравим — и обратно.

ПЬЕР. Как получится.

ЛУИЗА. Знаю я твое «как получится»! Напьешься с братьями и будешь драть глотку до утра. Учти, я тебя на своей спине не поволоку.

ПЬЕР. Маркиза довезет.

ЛУИЗА. Твоя Маркиза — кобыла с норовом. Пока не проспиться, шагу не ступит. (*Показывает на разложенные продукты.*) Садись и ешь.

ПЬЕР. А ты?

ЛУИЗА. Не хочу. Опилась компота.

ПЬЕР (*подсаживается*). Винца бы малость. А, Луиза?

ЛУИЗА. Перебьешься.

ПЬЕР. Ты ведь брала, я видел.

ЛУИЗА. Эту бутылку я должна старику Фурье. Он стачал тебе сапоги.

ПЬЕР. Отдашь в другой раз.

ЛУИЗА. Не клянчи, не получишь. (*Обмахивает рукой продукты.*) Ешь! Мухи садятся.

ПЬЕР. Вредина. (*Жует.*) Колбаса, яйца, брынза... Я столько не съем.

ЛУИЗА. Сколько съешь. А то позови соседа.

ПЬЕР. Какого?

ЛУИЗА. Художника. Он рисует через три стога от нас. Голодный, небось.

ПЬЕР. С чего бы ему проголодаться? Серпом не машет.

ЛУИЗА. От тебя не убудет. Позови.

ПЬЕР (*поднимается на ноги и смотрит вдаль*). Он был в шляпе или картузе?

ЛУИЗА. В шляпе. И в серой куртке.

ПЬЕР. Ни шляпы, ни куртки.

ЛУИЗА. При нем еще была штуковина такая — подставка для рисования.

ПЬЕР. Не вижу. Или ушел, или прилег отдохнуть. (*Садится и продолжает есть.*)

ЛУИЗА. Я все забываю, как его зовут.

ПЬЕР. Ван Гог.

ЛУИЗА. Странное имя.

ПЬЕР. Ничего странного. Он голландец. По крайней мере, так говорит наш доктор Гаше.

ЛУИЗА. Они что, родня?

ПЬЕР. Кто?

ЛУИЗА. Доктор и художник. Всегда вместе, водой не разольешь.

ПЬЕР. Вроде нет. Врач и этот, как его... пациент. Сын доктора как-то проговорился, что этот художник два года лечился в закрытом госпитале. С нервами у него что-то.

ЛУИЗА. Я не слишком бы верила байкам этого парня.

ПЬЕР. Сына доктора? Почему?

ЛУИЗА. Он немного того, с придурью.

ПЬЕР. Подрастет — поумнеет. Яйца вареные?

ЛУИЗА. Всмятку.

ПЬЕР. Очисти одно. А насчет того, что доктор и художник — не разлей вода, то тут ты ошибаешься. Они разругались.

ЛУИЗА. Вот как?

ПЬЕР. Две недели назад. На праздник, в День взятия Бастилии. Доктор был на крыше своего дома, а художник явился к нему спозаранку, устроил бучу и стал швырять в него камни. Потеха, да и только! *(Принимает от жены очищенное яйцо и ест.)* Кончилось тем, что этот Ван Гог забрал от доктора все свои картины, погрузил их на тачку и ушел не попрощавшись. С тех пор они обходят друг друга десятой дорогой.

ЛУИЗА. А почему доктор Гаше был на крыше?

ПЬЕР. Я же сказал тебе: дело было на праздник. Он вывешивал флаг.

ЛУИЗА. А-а... И где теперь живет этот Ван Гог?

ПЬЕР. У старика Раву.

ЛУИЗА. Разве Раву снова держит квартирантов?

ПЬЕР. С его-то палатами? Конечно, держит. Комната, обед и ужин. За всё про всё три франка в сутки. Чем не деньги? И горбатиться не надо, как нам с тобой. Ни праздников, ни выходных. Жнем, жнем... *(Вытирает губы рукавом.)* Больше не осилю, Луиза. Спасибо. Фу-ух... И вставать не хочется.

ЛУИЗА. Убирать?

ПЬЕР. Да. Объедки и скорлупу заверни в тряпку. Я прикопаю.

ЛУИЗА *(возится с остатками еды)*. Неприятно то, что ты рассказал. Я про художника. Никогда бы не подумала, что он способен на такие номера. Всегда обходительный, всегда внимательный, ко всем с душой...

ПЬЕР. С душой? *(Ложится на спину и накрывает лицо шляпой.)*

ЛУИЗА. К нему тянется детвора, Пьер. Не замечал? Верный признак, что человек по натуре добрый.

ПЬЕР (*из-под шляпы*). Добрый, недобрый... Пить надо меньше! Трезвый человек бросаться камнями не станет.

Звук выстрела.

ЛУИЗА. Ты слышал? (*Встает и смотрит в сторону, откуда раздался выстрел.*) Не иначе как стрелял кто-то.

ПЬЕР (*равнодушно*). Художник и стрелял. Из револьвера или обреза.

ЛУИЗА. Зачем художнику револьвер? Тут что-то не так. Ты бы посмотрел, а?

Пьер не отвечает.

Я говорю, ты бы посмотрел, что случилось, Пьер. Встань, не ленись.

ПЬЕР. Успокойся. Художник будет стрелять и дальше.

ЛУИЗА. Не понимаю тебя.

ПЬЕР. На днях он ходил по Оверу и спрашивал, не продаст ли ему кто-нибудь ружье или револьвер. Видать, купил.

ЛУИЗА. Но зачем?

ПЬЕР (*приподнимается на локте*). Чтоб отгонять выстрелами птиц, вот зачем! Пуще всего он жаловался на ворон: дескать, когда рисует в поле, то они так и лезут ему в глаза.

ЛУИЗА (*в голосе нотки сомнения*). Для птиц довольно и палки, Пьер. Махнул — и отлетели. Назови мне хотя бы одного приехавшего к нам художника, кто покупал бы у нас оружие.

ПЬЕР. Ну-у...

ЛУИЗА. Не напрягайся, не вспомнишь. (*Задирает голову.*) И потом, где ты видишь ворон? Чистое небо, ни облачка. Обычно вороны допекают перед дождем, перед бурей... Сходи, Пьер, разведай, что там.

ПЬЕР. И не подумаю.

ЛУИЗА. Очень прошу тебя! Тревожно мне что-то.

ПЬЕР. Вот привязалась! (*Встает и заправляет рубаху в штаны.*) Так и норовишь выставить меня идиотом.

ЛУИЗА (*подает мужу серп*). Возьми.

ПЬЕР. На что он мне?

ЛУИЗА. Возьми! Мало ли... У него оружие.

ПЬЕР. По-моему, ты перегрелась на солнце. (*Простирает руку.*) Да вон он сам! Видишь? Между прочим, ковыляет в нашу сторону. Ха! Упал. Пьяный в стельку! Это же надо, так набраться среди бела дня. Встает... Ха! Опять упал. (*Зовет.*) Эй, сударь! Идите к нам, под дерево! Тут не так жарко. (*Меняется в лице, встревоженно.*) Что за черт? У него куртка в чем-то красном. Вона как... Беда, Луиза! Кажись, он не пьяный, а раненый. Я сейчас! (*Выбегает.*)

Луиза (*поправляет дрожащими руками капор*). И что теперь? Ни одной живой души поблизости. И телег все нет... Вот горе-то.

Входят Пьер и Винсент Ван Гог. Пьер ведет художника под локоть. На лице Ван Гога гримаса боли, одежда на груди окровавлена, раненое место он зажимает скомканной соломенной шляпой.

ПЬЕР (*усаживает Ван Гога под дерево*). Вот сюда, сударь. Прислонитесь к дереву, так вам будет удобнее.

ВАН ГОГ. Спасибо.

ПЬЕР. Как же вас угораздило? С оружием нужно быть осторожнее. Не игрушка ведь. Револьвер?

ВАН ГОГ. Да.

ПЬЕР. Я по звуку понял. А где сама-то штука?

ВАН ГОГ (*говорит отрывисто, преодолевая боль*). Где-то там... Не знаю.

ПЬЕР. Сильно болит?

ВАН ГОГ. Трудно дышать.

ПЬЕР. Ну, ничего. Я перевяжу вас сейчас полотенцем. Главное — перетянуть рану. Вот-вот подъедут наши телеги, и мы отвезем вас в больницу.

ВАН ГОГ. Я сам дойду.

ПЬЕР. Помилуйте, до Овера без малого две мили. Вы в любую минуту можете потерять сознание. И потом, вы босиком.

Где ваша обувка?

ВАН ГОГ. Потерял... или в кого-то бросил. Не помню. Не беспокойтесь, я дойду.

ПЬЕР. Не время геройствовать, сударь. Вы истекаете кровью. Судя по тому, что ваша куртка на спине целая, пуля не прошла навывлет и застряла внутри. Вам нельзя двигаться. Я в таких делах разбираюсь, служил в Африке.

ВАН ГОГ. Пустое. Я пытался умереть сто раз, не умру и в сто первый.

ПЬЕР. Пытались? Это как? Странно... Луиза! Что ты там возишься? Полотенце!

Луиза подает мужу полотенце.

Я не совсем вас понял, сударь, вы что же, выстрелили в себя намеренно?

ВАН ГОГ. Это уже не важно. Я выпил бы воды.

ПЬЕР. Не побрезгуете, если я напою вас из фляги?

ВАН ГОГ. Прошу вас.

ПЬЕР (*подставляет горлышко фляги к губам Ван Гога*). Пейте, пожалуйста. Не торопитесь... Понемногу. Фляга почти полная, вам хватит.

ВАН ГОГ (*попив*). Спасибо. Помогите мне подняться.

ПЬЕР. Не сходите с ума, будьте благоразумны! Опустите руку, я перетяну вас полотенцем.

ВАН ГОГ. Вы хороший человек, сударь. Не вынуждайте меня ругаться. (*Постанывая.*) Мне было плохо, и я выстрелил. Теперь мне хорошо. Я освободился. В этой жизни... *fèci, quod potui, faciant meliora potèntes.*

ПЬЕР. Похоже, вы бредите.

ВАН ГОГ. Это на латыни: я сделал, что мог, кто может, пусть сделает лучше. Возможно, вас будет спрашивать полиция... Запомните: вы меня не видели. Лишние неприятности вам ни к чему.

ПЬЕР. Как посоветуете.

ВАН ГОГ. Вот я и советую. Затаскают. А у вас работа... Дайте-

ка руку.

ПЬЕР (*помогая Ван Гог подняться*). Луиза! Ну скажи ты ему хоть слово! Дело-то серьезное.

ЛУИЗА. А что я могу сказать, Пьер? Взрослый человек. Не к дереву же его привязывать.

ВАН ГОГ (*слабо улыбнувшись*). Верно, Луиза. Вы знаете господина Раву?

ЛУИЗА. Да.

ВАН ГОГ. Я снимаю у него комнату на втором этаже. Если вас не затруднит, то, когда приедете в Овер, пошлите за доктором Гаше. Пусть он навестит меня, чтобы промыть и перевязать рану. Я не хочу умереть в луже крови.

ЛУИЗА. Господь с вами!

ВАН ГОГ. Господь всегда со мной, сударыня. Пьер... Я не ослышался, вас зовут Пьером?

ПЬЕР. Ну да.

ВАН ГОГ. Будьте добры, достаньте у меня из-за пазухи блокнот.

ПЬЕР. Что, простите?

ВАН ГОГ. Книжечку для записей. Там у меня письмо к брату. Я его не закончил... Даст Бог, допишу дома.

ПЬЕР. Да, пожалуйста. (*Запускает руку под рубаху Ван Гога.*)

ВАН ГОГ. Осторожнее... Нащупали?

ПЬЕР. Ага, тут он. (*Достает блокнот.*) Вот!

ВАН ГОГ. Положите в карман моих штанов. Там он не запачкается кровью. Благодарю вас... Всего доброго, господа.

ЛУИЗА (*оторопело*). Да... До свидания.

Ван Гог уходит.

ПЬЕР (*смотрит вслед*). Он не пройдет и полумили. (*Качает головой.*) Свалится и больше не встанет. Слышишь, Луиза? Да очнись ты! Стоишь, будто тебя только что с креста сняли.

ЛУИЗА. Голова закружилась.

ПЬЕР. Ну, так присядь. Я пойду за ним, Луиза. Помогу,

если что... Когда подкатят телеги, ты на первой же за нами. Во весь дух! Авось спасем беднягу. *(Удаляясь.)* И чтоб телега была пустая! Всех к дьяволу! Только ты и извозчик. Да соломы постели! *(Уходит.)*

ЛУИЗА. Хорошо, Пьер, буду ждать. *(Выходит на середину дороги и смотрит сначала в ту сторону, куда ушли Ван Гог и ее муж, потом, из-под ладони, в противоположную, откуда должны появиться телеги.)*

К а р т и н а в т о р а я

29 июля 1890 года, полночь. Дом господина Раву. Небольшая передняя в квартире, снимаемой Винсентом Ван Гогом на условиях пансиона. Напольная вешалка, низкий столик, два табурета, на стене рукомойник и зеркало. Над окном что-то вроде антресоли с перекошенными дверками. На столике керосиновая лампа, горящая спиртовка, аптечные склянки и медикаменты. Из двери, соединяющей коридор и переднюю, входит Поль Гаше (сын доктора Гаше), вихрастый беспокойный юноша лет шестнадцати.

Поль. Ну, наконец-то! *(Гасит спиртовку, снимает ковшик и ставит его на подоконник.)* Ай! Горячий, черт! *(Дует на пальцы.)* Только волдырей не хватало. *(Подходит к рукомойнику, чтобы остудить руку, но обнаруживает, что висячий бачок пуст.)* Что за день! Все наперекосяк.

Из комнаты Винсента Ван Гога выходит доктор Гаше. Взглянув исподлобья на сына и не сказав ни слова, он садится на табурет у окна. Гаше чуть больше пятидесяти лет; он среднего роста, худощавый, полысевший, на узком лице светлые седеющие усы и бородка, на лбу и вокруг глаз глубокие морщины, нос орлиный, глаза серо-голубые. На докторе мятый халат, грудь нараспашку, на тесемке кожаный футляр с трубкой-стетоскопом и градусником.

Или купи новую спиртовку, или носи с собой примус, па. Эта — одно название. Не горит, а тлеет. Чувствуешь запах? Однажды ты задохнешься, когда будешь стерле... сте-ри-лизовать свои шприцы и иголки.

ГАШЕ *(думая о своем)*. Пожалуй.

Поль. Зря ты не взял у господина Раву ключ от кухни.

Газовая плита под рукой — милое дело. (*Разрезает ножницами пакетик с ватой.*) Этот Раву еще тот фрукт.

Гаше. Почему?

Поль. А ты пройдишь по коридорам. Что ни дверь, то замок. Кухня, столовая, кладовка — все заперто. Зачем, спрашивается? Три квартиранта, и все трое приличные люди.

Гаше. Ты прав.

Поль (*разрезает пакетик с бинтом*). Кстати, он сейчас во дворе.

Гаше. Кто?

Поль. Господин Раву. Я видел его возле сараев вместе с каким-то полураздетым типом. Они искали картины дяди Винсента.

Гаше. Во дворе? Посреди ночи? Не выдумывай.

Поль. Говорю тебе, они искали картины.

Гаше. Гм.

Поль. Я готов, па. Пошли.

Гаше. Куда?

Поль. В комнату к дяде Винсенту. Я помогу тебе с перевязкой. (*Показывает поднос.*) Посмотри, всё ли тут. Я положил бинт, вату, тампоны и ножницы. Кипяченая вода в ковшике. Я обжег себе руку, па.

Гаше. Не суетись, Поль. Присядь. А лучше иди домой.

Поль. А перевязка?

Гаше. Не будем его беспокоить.

Поль. Дядя Винсент уснул?

Гаше (*не сразу*). Да.

Поль. И что теперь? Как же без перевязки? Опасно ведь... В смысле заражения. Ты сам говорил, что в такую жару нужно менять бинты каждые три часа. А сколько прошло? Полдня. Уже полночь...

Гаше (*резко*). Ты можешь помолчать? Лопочешь — спасу нет!

Лицо юноши вытянулось и приняло плаксивое выражение. (*Встает, виновато.*) Прости, я не хотел тебя обидеть. Это все нервы. Не сердись, ладно?

Поль. Я не сержусь.

Пауза.

Гаше. Он умирает, сынок.

Поль. Что?.. Повтори, я не разобрал.

Гаше. Господин Ван Гог умирает.

Поль (*запинаясь; глаза навывкате*). Что ты такое говоришь, па? Этого не может быть... (*Подходит к отцу и трясет его за руку.*) Слышишь? Ты ошибаешься. Ты это.. ты преве... преуве-личиваешь! Умирает... Скажешь тоже! Еще недавно дядя Винсент разговаривал со мной, улыбался, просил раскурить ему трубку... Тайком от тебя и дяди Теодора.

Гаше. А теперь он в глубокой коме. Дыхание неровное, пульс едва уловимый, зрачки... Словом, состояние хуже некуда.

Поль. Кома — это что? Это если человек без сознания?

Гаше. Можно сказать и так.

Поль. А ты вспомни историю с нашим бакалейщиком господином Лебланом. Сколько старик пролежал без памяти, когда его сшибла лошадь? Я скажу тебе: две недели. Две недели, па! И ничего, выжил. Чем тебе не пример?

Гаше. Наш бакалейщик самый обыкновенный притворщик. Ради страховки он пролежал бы с закрытыми глазами и полгода. К твоему сведению, он отделался парой царапин и легким ушибом. А у господина Ван Гога в груди пуля.

Поль. Значит, нужно было ее вынуть. Вытащить, извлечь... Или как это у вас еще называется? И почему никто не додумался до этого раньше? С тебя спросу нет, ты терапевт и оп... о-перировать не умеешь, но хирург — тот плешивый старикашка, что приезжал к нам из Понтуэза, — он-то почему не попытался? Приволок с собой чемодан инструментов, покрутился, повертелся, взял деньги за визит — и был таков.

Гаше. Будь добр, говори потише. Мы не дома.

Поль (*прикрывает рот рукой*). Извини.

Гаше. На операцию требуется согласие больного, Поль,

твердое и осмысленное. Господин Ван Гог такого согласия не дал. Знаешь, что он сказал мне утром? Постараюсь передать дословно: «На тот случай, если я забудусь, предупреждаю вас, доктор, не вздумайте во мне копать. Запрещаю! Внутри меня не осталось ничего, что стремилось бы к жизни».

Поль (*поник*). Так... Умирает. И шансов, ты считаешь, нет?
Гаше. Нет.

Поль (*опускается на табурет и закрывает лицо руками; тихо*). Какой ужас. (*Долго молчит, потом отрывает ладони от лица и смотрит на отца.*) Наверно, мои слова тебе не понравятся, но я весь день за него молился.

Гаше. Да?

Поль. Не вслух, конечно. Про себя. Сожму за спиной пальцы в кулак — так делают, чтоб не вышло наоборот, — и молюсь: «Смилуйся над ним, Господи! Не дай ему умереть, Господи!» (*Шмыгнув носом.*) Не получилось.

Гаше. Какой ты еще ребенок, Поль. Отправляйся-ка домой. Перекуси — и в кровать. Завтра будет нелегкий день. (*Смотрит на карманные часы.*) Впрочем, «завтра» уже наступило: половина второго.

Поль. А ты?

Гаше. Разумеется, я останусь.

Поль. Вторую ночь без сна? Ты свалишься.

Гаше. Это не обсуждается, Поль.

Поль (*поднимается*). Может, принести тебе и дяде Теодору кофе?

Гаше. Принесешь утром.

Поль. Я быстро! Заварю — и к вам. Хотьбы-то: улочка да закоулок.

Гаше (*подумав*). Раз уж ты так настроен, то принеси мне, пожалуй, пенал для рисования и несколько листов бумаги.

Поль (*озадаченно*). Пенал и бумагу?

Гаше. Да. Бумагу выбери поплотнее и проверь, есть ли в пенале угли и ластик.

Поль. Зачем тебе это?

Гаше. Набросаю небольшой портрет господина Ван Гога. Будь мы в Париже, я без труда договорился бы насчет гипсовой маски, с тем же Роденом, например, но, увы, мы в Овере. На всю округу один-единственный фотограф, да и тот вечно пьяный. Вечерней почтой отправлю мой рисунок в «Mercury de France».

Поль. В газету?

Гаше. Это журнал. Я как-то прочел в нем весьма толковую статью о художниках-новаторах, в том числе о Ван Гоге. Автора не помню, а статья называлась то ли «Одинокие», то ли «Непризнанные». Я думаю, редакция согласится опубликовать рисунок и сопроводить его заметкой о художнике.

Поль. В журналах и газетах обычно печатают фотографии.

Гаше. Закавыка в том, Поль, что господин Ваг Гог никогда не фотографировался. Все, что у него есть, — это десяток автопортретов, да и те написаны, в основном, по причине безденежья: самому себе не нужно платить за позирование.

Поль. Выходит, у дяди Винсента нет ни одной фотографии?

Гаше. Нет.

Входят господин Раву и Антон Хиршиг. Раву около шестидесяти лет. Худой, суетливый, себе на уме; на нем домашний халат, ночной колпак и шлепанцы на босу ногу. Хиршигу нет и тридцати, он в расстегнутой и взмокшей от пота рубашке, весь взъерошенный, в руке керосиновый фонарь.

РАВУ (*отстраняя Хиршига рукой*). Доктор Гаше, Бог свидетель, я не знал! Не сойти мне с этого места!

ХИРШИГ (*враждебно*). Как бы не так!

РАВУ. Вот что, Хиршиг, вы хоть и образованный человек, но, прежде чем обвинять кого-то, потрудитесь разобраться. Разве я не согласен с вами, что это безобразие? Согласен. Факт прямо-таки вопиющий! Но я-то здесь при чем?

Гаше. Нельзя ли потише, господин Раву? За дверью умирает человек, а вы кричите, будто вас режут.

РАВУ. Тысяча извинений, доктор. Виноват. Я думал, что наш

несчастный уже преставился.

Гаше (*сквозь зубы*). А если бы и преставился, то, по-вашему, можно кричать?

Раву. Боже упаси! (*Крестится.*) Я просто не то сказал. Это от волнения. Очень уж я расстроился.

Хиршиг. Пошло-поехало!

Раву. Да, Хиршиг! Но не думайте, что я молча стерплю ваши оскорбления. Не на того напали!

Гаше (*разводит руками*). Ничего не возьму в толк.

Раву. Я объясню, доктор; отдышусь только. Ху-у... Этим летом у меня всего трое постояльцев: господин Ван Гог, потом господин Зальц, коммивояжер из Германии, и Хиршиг — он перед вами; приехал к нам рисовать из Голландии. Цены у меня не кусаются, не то что в муниципальной гостинице, но так вышло. Дом наполовину пустой. Так неужели я стал бы кому-нибудь перечить? Попроси — и я всегда пожалуйста. Но господин Ван Гог, вот вам крест, ни слова мне не сказал, ни полслова...

Гаше. Тарабарщина какая-то. (*Хиршигу.*) О чем речь, Антуан?

Хиршиг. Меня зовут Антоном.

Гаше. Прошу прощения. Так в чем дело Антон?

Хиршиг. Я нашел картины господина Ван Гога.

Гаше. Какие картины?

Хиршиг. Те, что он перевез от вас к Раву. Они оказались во дворе, в сарае для коз.

Гаше. Где?! Вы в своем уме?

Хиршиг. Говорю как есть. Не извольте беспокоиться, доктор, полотна в порядке. Я смотрел.

Раву. Богом клянусь, я не знал! В этот сарай я не заглядывал с прошлой весны и коз там давно не держу.

Хиршиг. Вам поклясться что в кулак высморкаться! Помните, что вы сказали господину Ван Гог, когда он попросил у вас пустующую комнату для своих работ? Вы сказали, что не

позволите превращать свой дом в кладовку для всякого хлама.

РАВУ. Просто издевательство! На белое — черное... Кто я такой, чтобы господин Ван Гог говорил со мной про картины? Нешто я знаток в вашем рисовании? Нешто я разбираюсь, какая картина хлам, а какая искусство? Не отрицаю, комнатой господин Ван Гог интересовался, но спрашивал он ее не для картин, а для друзей из Парижа, на случай, если они приедут к нему в гости.

Хиршиг. Лгите больше!

ГАШЕ. Имейте совесть, господа. Если вы намерены и впредь продолжать в том же духе, то на правах врача я выставлю вас в коридор.

РАВУ. Молчу, доктор. Извините. *(Садится на табурет.)*

Хиршиг. Нет ли у вас воды? Внутри меня все так и клокочет.

ГАШЕ. Посмотрите в кувшине. *(Сыну.)* Ты еще здесь? Ну-ка, домой! Взрослые разговоры не для тебя.

Поль. Да, отец, иду.

ГАШЕ. Не забудь, о чем я тебя попросил.

Поль. Я помню. *(Выходит.)*

Хиршиг *(попив из кувшина и вытерев губы рукавом рубахи)*. В этом сарае господин Ван Гог устроил что-то вроде экспозиции своих работ.

ГАШЕ. То есть?

Хиршиг. Часть картин развесил на стенах, часть расставил на полу. По периметру. Я только сегодня сообразил, что они могут быть в каком-нибудь сарае. И точно! Видели бы вы этот вонючий закут, доктор! Повсюду прелое сено и козьи катыши, плесень и паутина, а посреди этой мерзости работы Ван Гога.

РАВУ. Не слушайте его, господин Гаше! У меня все сараи и сухие, и ухоженные, а козий, так тот даже застекленный.

ГАШЕ. Прошу прощения, господа. *(Подходит к окну и перегибается через подоконник.)* Поль!

Голос Поля *(снизу, справа от окна)*: «Да, отец!»

Забыл сказать тебе... Принеси мне, пожалуйста, пакет сушеной ромашки. Я приготовлю отвар для дяди Теодора; у него разболелись почки.

Голос Поля: «Хорошо, па!»

На пакете написано: «*Matricaria chamomilla*». Это латинское название ромашки аптечной.

Голос Поля: «Я разберусь!»

(Отходит от окна, Хиршигу.) Сколько картин?

Хиршиг. Около тридцати. Семь или восемь в тонких рамах, остальные на подрамниках. *(Сокрушаясь.)* В голове не укладывается! Удивительные, грандиозные полотна, и где? В паршивом сарае! Одна картина — ну просто шедевр! «Вороны над полем пшеницы». *(Изображая рукой работу кистью.)* Ветреное хлебное поле, грозовая синева, кривая дорога, ведущая в никуда, а над полем стаи черных как смоль ворон. В каждом мазке предчувствие ненастья и дыхание скорой гибели. *(Потрясая перед лицом Раву растопыренными пальцами.)* Да знаете ли вы, сморчок этакий, что эта картина достойна лучших музеев мира и что половина работ в этих самых музеях в сравнении с ней просто мазня! О-хо-хох!.. Жаль, что нет на вас управы, Раву. Из-за таких вот, как вы, человеку и не мила жизнь.

РАВУ *(багровея)*. Думайте, прежде чем говорить, Хиршиг! Вы срамите меня перед почтенным человеком, и не где-нибудь, а в моем доме.

Хиршиг. Да провались он пропадом, ваш дом! Я завтра же от вас съеду.

ГАШЕ. Довольно, Антуан.

Хиршиг. А'нтон!

ГАШЕ. Довольно, А'нтон. Утихомирьтесь.

РАВУ. С кого довольно, так это с меня! (*Подхватывается и отнимает у Хиршига фонарь.*) Смею надеяться, доктор, вы не воспримете всерьез белиберду моего постояльца. С ним это бывает почти ежедневно — когда хватит лишнего.

Хиршиг. Вот человек! Да я маковой росинки не держал во рту.

РАВУ. Оно и видно. (*В дверях.*) Мой дом и мое кафе в вашем распоряжении, господин Гаше. Поэтому делайте, что положено в подобных случаях. Без церемоний. Если приедут господа не из наших мест, милости прошу, я всех размещу. Спокойной ночи. (*Выходит.*)

Хиршиг (*вдогонку*). Мироед!

ГАШЕ (*укоризненно*). А́нтон.

Хиршиг. Я, когда обнаружил картины, поднялся к нему за фонарем. Темно ведь. Возвращаюсь обратно, и он за мной. Увязался — не отвяжешься. (*Застегивает рубаху на груди.*) Ну и вид у меня. Я, собственно, почему заглянул к вам? Сказать, что картины господина Ван Гога я перенес к себе. Надо бы развесить их завтра в его комнате. Кажется, так принято.

ГАШЕ. Хорошо, А́нтон. Спасибо. И еще, благодарю, что выручили меня и отвезли записку Теодору. Услуга неоценимая.

Хиршиг. Пустяки. Господин Ван Гог... он как, в сознании?

ГАШЕ (*качает головой*). Даже не стонет. Эта ночь для него последняя.

Хиршиг. Жуткое дело... Не далее как позавчера он заходил ко мне в комнату и хвалился, что работает как одержимый и пишет по четыре пейзажа в день. Шутил, смеялся, пыхтел трубкой... Хвалился, кстати, двумя вашими портретами, особенно тем на котором изобразил вас сидящим за столом, в альпаковом рединготе, в белой фуражке и с веточкой наперстянки в руке. И вот... Экое несчастье! Он сказал, где раздобыл револьвер?

ГАШЕ. Ни слова. Думаю, привез из Парижа. Полиция обыскала все поле.

Хиршиг. И что?

Гаше. Не нашла.

Хиршиг (*кивает на дверь в комнату*). Кто с ним?

Гаше. Теодор. Он там неотлучно.

Хиршиг. По дороге в Овер он не переставая плакал. Даже не предполагал, что мужчины могут так убиваться.

Гаше. Да, он безутешен.

Хиршиг (*несмело*). Пожалуй, я должен сказать вам, доктор... Рано утром, перед тем, как отправиться за Теодором в Париж, я встретил на улице вашего пастора.

Гаше. И?

Хиршиг. Он сказал, что откажет родственникам Ван Гога в катафалке и в погребении на оверском кладбище. Мол, тот самоубийца, протестант и все такое. Наплел с три короба.

Гаше. Я договорюсь с ним.

Хиршиг. Сомневаюсь.

Гаше. Значит, я решу этот вопрос через муниципалитет. Кладбище — это земля города, а не церкви. Другое дело катафалк. Катафалк... Вас не затруднит съездить в Эрувиль? Это рядом, три мили от Овера.

Хиршиг. Говорите, я слушаю.

Гаше. Я напишу записку, так будет лучше. (*Достает из кармашка жилетки записную книжку, садится к столу и торопливо пишет.*) Этот человек мне многим обязан, он не откажет. Вверху его имя и адрес. (*Вырывает листок и вручает его Хиршигу.*) Держите. В шесть утра от нашего рынка в Эрувиль едут телеги за молоком. Вас подвезут.

Хиршиг. Будьте покойны, доктор, я все сделаю. Возьмите ключ от моей комнаты. Я не собираюсь ложиться. (*Отдает ключ.*) Поброжу до утра по улицам.

Гаше. Воля ваша.

Хиршиг (*открыв дверь*). Вам знакома мадам Жунель, доктор?

Гаше. Кто, повторите?

Хиршиг. Мадам Жунель. У нее роскошный сад, а за садом огород до самой реки.

Гаше. Это моя давняя пациентка. А что?

Хиршиг. Вы не будете возражать, если я попрошу у нее от вашего имени георгин и подсолнухов?

Гаше. Его любимые подсолнухи... Буду вам только признателен.

Хиршиг кивает и выходит. Гаше берет со столика керосиновую лампу и направляется в комнату Ван Гога.

К а р т и н а т р е т ь я

В то же время. Комната Винсента Ван Гога. Два окна, допотопные стол и стулья, железная кровать, шкаф, продавленное, с деревянными подлокотниками кресло, тумбочка. На столе кувшин с увядшими хризантемами, ворох бумаг и эскизов, свечи, посуда. В углу комнаты мольберт, на нем холст с изображением оверской церкви. Окна настежь; виднеется здание ратуши, изредка слышен лай дворовых собак. На кровати умирающий Винсент Ван Гог, он без сознания, укрыт пледом, голова на высокой подушке. Рядом на стуле Теодор Ван Гог.

ТЕОДОР *(поглаживая руку брата)*. Я не знал, что у тебя на правой руке шрам, и, как погляжу, давнишний. Откуда? Порезался, да? *(Помолчав.)* За дверью опять бранились. Слышал? Какие-то сараи, какие-то козы... Полночный бред. *(Протяжный вздох.)* Чужие мы здесь, брат. Чужие люди в чужом доме. *(Прикладывает руку Винсента к своей щеке.)* Ты извини, что я болтаю всякую чушь. Мне вроде бы легче, когда я говорю. Стоит замолчать — и боль становится невыносимой. *(Всхлипывает.)* Я прочел твое письмо, Винсент. Оно немного примялось... Доктор Гаше нашел его под подушкой, когда поправлял тебе постель. Ты пишешь, что хотел бы сказать мне о многих вещах, но считаешь это уже бесполезным. Пишешь, что работа художника отняла у тебя жизнь и половину рассудка. *(Заплакав.)* Как горько, как страшно осознавать, что это правда.

Входит доктор Гаше и останавливается в дверях.
(*Не замечая появления доктора.*) Не покидай меня, родной, христом-богом прошу! Все меркнет с твоей смертью, все теряет смысл. Я смог бы жить, став инвалидом и уродом; пожалуй, я не умер бы от горя, став вдовцом, а вот без тебя я обречен. Поживу недолго, поживу так-сяк — и пропаду.

Гаше. Ну-ну, мой друг, успокойтесь. (*Подходит к Теодору и трогает его за плечо.*) Вы в порядке?

Теодор (*положив руку брата обратно на постель, утирает слезы*). Да. Болтаю вот... Мысли вслух. Винсент... он едва дышит, доктор.

Гаше. Вижу. (*Слушает у больного пульс. Вздыхает.*)

Теодор (*тревожно*). Что, доктор?

Гаше. Пока без изменений.

Теодор. Может, напоить Винсента бульоном? Его губы чуть-чуть приоткрыты, я бы изловчился. Из чайной ложки.

Гаше. Бесполезно, Теодор. Только и того, что замараете ему лицо и шею. (*Заглядывает в кастрюльку на столе.*) Да и бульон, пожалуй, испортился. Солнце сегодня пекло так, будто спятило. (*Смачивает в склянке воды салфетку и подает ее Теодору.*) Возьмите. Время от времени будете увлажнять ему губы.

Теодор кивает.

Как ваши почки? Отпустила боль?

Теодор не отвечает.

Я послал сына за травами и приготовлю вам на скорую руку отвар из ромашки и мелиссы. Вам обязательно полегчает. С нездоровыми почками, друг мой, шутки плохи. Сколько вам лет? Тридцать семь? Тридцать восемь?

Теодор. Тридцать семь Винсенту. Мне — тридцать три.

Гаше. Ну вот, а выглядите на все сорок. Непременно навещу

вас в Париже и обследую.

ТЕОДОР. Бог с ними, с моими почками, доктор. Единственное, чего я не отдал бы сейчас Винсенту, — это мои трухлявые почки. *(Пылко.)* А все другое — до капли, до остатка! Сердце, легкие, кровь — все! Только бы он выжил. Неужели ничего нельзя сделать, доктор? Неужели медицина так беспомощна, так бессильна? Вот вы... Известный врач, защитили диссертацию. У вас громадный опыт...

ГАШЕ *(несколько уязвленный)*. Смилуйтесь надо мной, Теодор, не терзайте понапрасну. *(Садится в кресло.)* «Известный врач», «громадный опыт»... Допустим. Но я не хирург. Понимаете? А был бы хирургом, то заметил бы, что я не маг и не волшебник. Еще в полдень я сказал, что Винсент остался жив лишь потому, что пуля не задела сердце, но рана все равно очень серьезная: пуля глубоко в легком. Была надежда на хирургическое вмешательство, хотя и весьма призрачная, но Винсент от операции отказался. Такова реальность, Теодор. А вы нет-нет да и посетуете на мою беспомощность. Право, обидно.

Пауза.

ТЕОДОР. Извините, доктор. Как вы думаете, Винсент придет в сознание?

ГАШЕ. Я бы на это не рассчитывал. *(Решает смягчить свой ответ.)* Впрочем, кто знает... Хотел полюбопытствовать. В бреду ваш брат часто упоминал имя Гогена. Кто он?

ТЕОДОР. Художник.

ГАШЕ. Голландец?

ТЕОДОР. Француз.

ГАШЕ. Гоген... Не слышал. Из старых мастеров?

ТЕОДОР. Ему нет и сорока пяти.

ГАШЕ. Должно быть, вы знаете, что я дружен со многими известными художниками и скульптурами, но никто из них ни разу не упомянул о Гогене.

ТЕОДОР. А часто ли ваши именитые знакомые упоминали о

Винсенте Ван Гог?

Гаше опускает глаза.

Гоген редко бывает в Париже и живет, в основном, на колониальных островах. Там и работает.

Гаше. Хороший мастер?

Теодор. Из тех, кого я знаю, лучший.

Гаше. Лучше Делакруа, Дега, Сезанна?

Теодор. Скажем так: за живописью Гогена будущее.

Гаше. Гм.

Теодор. Два года назад Винсент жил в Арле и часто жаловался в письмах на депрессию и одиночество. Гоген в то время обитал в Париже и скитался по ночлежкам. Вот я и устроил так, чтобы они пожили вместе. Через пару месяцев после их горе-жизни Гоген вернулся в Париж с признаками нервного расстройства, а Винсент оказался в психиатрической клинике. Есть люди, доктор, которым, при всей общности их интересов и взаимном влечении, благоразумнее все же держаться друг от друга подальше. Винсент и Поль... *(Встрепенулся.)* Он пошевелился, доктор! *(Вскакивает и показывает рукой.)* Вы заметили? Винсент пошевелился!

Гаше. Ну-ка! *(Склоняется над больным.)* Плохо видно... Поднесите, пожалуйста, лампу.

Теодор бросается за лампой.

Так... Опустите лампу чуть пониже. *(Смотрит зрачки Винсента, потом слушает его грудь через трубку-стетоскоп.)* Вам почудилось, Теодор. *(Выпрямляется.)* Никаких рефлексов. Но дышит глубже. Я бы сказал, свободнее. *(Берет у Теодора лампу и ставит ее на стол.)* Не перестаю удивляться. Держится! С простреленным легким, обескровленный... Поразительно! *(Садится.)* Вы назвали своего сына, кажется, Винсентом?

Теодор. Винсентом.

Гаше. В честь брата, полагаю?

Теодор кивает, тоже садится и берет руку брата в свою.
Сколько малышу?

Теодор. Седьмой месяц. Захворал бедняжка. Поэтому

и жена не приехала. Порывалась было — и вещи уложила, и коляску приготовила, но я убедил ее остаться. Надо бы послать ей телеграмму. Вы поможете?

Гаше. Набросайте текст, и мой Поль отправит.

Теодор. Мне показалось, будто в прихожей кто-то ругался.

Гаше. Да вроде нет. Заходили Раву и Хиршиг. Поинтересовались, как обстоят дела, и ушли.

Теодор. Хиршиг? Кто это?

Гаше. Молодой человек, который доставил вам мою записку. Разве он не представился?

Теодор. Нет. Отдал записку и откланялся. Часом позже мы ехали в одном поезде, но сидели в разных вагонах.

Гаше. Славный малый, замечу вам. А вот художник так себе, без искры божьей. Он попросил передать вам, что картины Винсента находятся в его комнате. Это на первом этаже, вторая дверь от входа.

Теодор. Я думал, картины у вас.

Гаше *(по его лицу скользнула тень)*. У меня только две.

Теодор *(понимающе кивает)*. Ах да, ваша размолвка. Винсент писал... Сожалею, доктор. *(Подходит к мольберту и разглядывает холст.)* Нервная работа. Вы не находите? Тяжелое кобальтовое небо, мрачная зелень, неприветливое здание. Ваша церковь?

Гаше. Она самая.

Теодор. Изображена как карточный домик, готовый развалиться в любую минуту. *(Подходит к столу и берет в руки эскизы брата.)* «Небо и облака»... «Сад Добиньи»... «Замок в Овере»... Снова «Замок в Овере». В Овере есть замок?

Гаше. За городом, в полумиле от нас. Угрюмый средневековый инвалид.

Теодор. Вы видели эти наброски?

Гаше. Мельком. На тумбочке лежит еще кипа.

Теодор *(продолжает разглядывать эскизы)*. Рисунки хижин и голубей, лошадей и колосьев. Силуэты, лица... *(Показывает пальцем.)* На этом эскизе он указал размеры будущей картины,

на этом пометил графитом «густая грунтовка», на этом... Нет, этот он перечеркнул. Вероятно, ему не понравилась перспектива изображения. *(Протяжно вздохнув, негромко восклицает.)* Сколько идей, сколько замыслов, доктор! Разве думал Винсент, делая эти наброски, о смерти? Разве помышлял тогда о самоубийстве? Ведь эскизы — это взгляд художника в будущее; то же, что расписание на завтра, на неделю вперед, на месяц...

ГАШЕ. Что тут скажешь, мой друг? Болезнь. Затаилась на время, накопила сил и ударила. *(Берет у Теодора эскизы и кладет их на тумбочку.)* Присядьте, пожалуйста. Я хочу вам сказать нечто важное.

Теодор опускается на стул.

(Собравшись с мыслями, говорит далее одухотворенно, с нарастающими модуляциями голоса.) Ваш брат — гениальный художник, Теодор, и когда-нибудь, в далеком далеко, обо мне и о вас потому лишь вспомнят, что мы жили с ним в одно время. Надеюсь, вы простите старика за патетику; говорить в ином тоне означало бы для меня кривить душой. Я упомянул вам недавно о Дега и Делакруа. Я мог бы продолжить список и назвать имена Коро и Клода Моне, Писсарро и Ренуара. Полотна этих художников вызывают у меня благоговение. Но никто из них не достиг и, уверяю вас, никогда не достигнет той магии рисунка, какой достиг в своем творчестве Винсент. Никто! И я знаю почему. Для того чтобы писать, как это делает Винсент, мало обладать талантом и совершенной техникой, нужно еще так же, как он, любить человека и природу. Любить в высшем понимании этого слова, всем сердцем, несказанно и запредельно. На такую любовь способны единицы. Глядя на картины моего друга Сезанна, я всегда тихо радуюсь и умиляюсь; глядя на работы вашего брата, я замираю, столбенею, немею от восторга, столь велика их глубина и сила, столь велика их притягательность. И на глазах моих всякий раз выступают слезы — слезы гордости и ликования, ибо я вижу, насколько

прекрасным может быть творение рук человеческих. Вашего брата не жаловала жизнь и не жаловали люди, не пощадила его и болезнь. Поправить что-либо уже невозможно. Но есть то, ради чего он жил, — его живопись. И вы, Теодор, — слышите меня? — именно вы обязаны добиться ее признания. Никто другой этого не сделает. Тяжкий крест, не спорю. Но куда непоправимее будет грех, если вы обречете работы вашего брата на забвение в шкафах, сундуках и на полках.

Пауза.

ТЕОДОР *(со слезами на глазах)*. Спасибо вам.

ГАСЕ. За что, помилуйте?

ТЕОДОР. За добрые слова, за участие. *(Чуть помолчав.)* Пять лет назад умер наш отец. Упал на крыльце своего дома и больше не поднялся. Я смутно помню похороны. По рассказам матери и сестер, я неустанно плакал, а на кладбище потерял сознание. Но я не об этом... В минуты, когда я прощался с отцом, мне казалось, что нет сильнее горя, чем то, которое я испытываю. Да простит меня мой родитель, я ошибался. *(Целует руку брата.)* Вот оно, подлинное горе, вот она, подлинная трагедия. И говорю я так не потому, что любил отца меньше Винсента, вовсе нет, доктор. Просто... Как бы это объяснить? Смерть Винсента — это и моя смерть. Понимаете? Сколько помню себя, я всегда жил мыслью, что у нас с братом одно сердце и одна душа на двоих. И вот половину души и сердца я теперь теряю. Бесповоротно. Околесицу несусь, не так ли?

ГАСЕ. Не думаю. Я вас понял.

ТЕОДОР *(приподнимается и пристально всматривается в лицо брата)*. Доктор!

ГАСЕ. Что, Теодор?

ТЕОДОР. Винсент... Он шевелит губами, он силится что-то сказать.

ГАСЕ. Вам снова померещилось.

ТЕОДОР. Да нет же! Он моргает.

ВАН ГОГ *(слабым, застоявшимся голосом)*. Тео...

ТЕОДОР. Да, Винсент! Я здесь! Слушаю тебя.

Доктор Гаше устремляется к больному.

ВАН ГОГ. Theo, waarde¹.

ТЕОДОР. Да, дорогой! Я рядом, я держу тебя за руку. Открой глаза, вот он я...

ВАН ГОГ. Я хочу домой.

ТЕОДОР. Ну, конечно, милый! Завтра же поедем!

Гаше тем временем проверяет у больного пульс.

Куда же еще, как не домой? Я исполню все твои желания, Винсент. Скажи — и они сбудутся!

ГАШЕ (*опускает руку Винсента на постель*). Это были его последние слова, Теодор.

ТЕОДОР (*от потрясения у него перехватило горло*). Что?.. Что вы сказали?

ГАШЕ. Ваш брат... Великий Винсент Ван Гог скончался.

Входит Поль Гаше. Смотрит на отца, потом на безжизненное лицо Винсента Ван Гога и все понимает.

З а н а в е с .

К о н е ц .

2006-2007 г.г.

¹ Тео, дорогой (*голланд.*)

Владимир Павлович Задорожный

ЗАТМЕНИЕ СОЛНЦА

Драма

Литературный редактор и корректор: кандидат филологических наук, доцент Л. И. Минина

Компьютерный набор: магистр филологии С. В. Мунтян

Художественное оформление: В. В. Машницкий

Подписано в печать 28.09.07

Формат 84 X 60 1/16. Бумага офсетная № 1.

Усл. печ. листов 98. Тираж 150. Дог. № 3-15/07

Заказ № 2924.

ОАО «Херсонская городская типография»

Украина, 73000, г. Херсон, ул. 40 лет Октября, 31.

тел./факс: (0552) 26-16-81, 34-20-00.

Свидетельство ХС № 39 от 02.12.03 г.